

Интеллигент

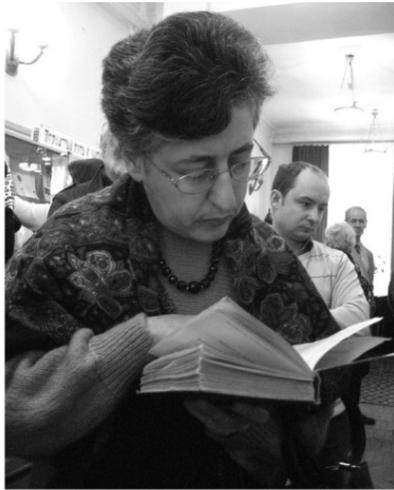
Международная литературно-публицистическая газета. №2 (2), март 2011 г. www.gazeta-pi.ru
Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: surkis@yandex.ru, provint@yandex.ru

РЫБА-КИТ

Моим родителям

Рыба дышала. Свободной рукой он погладил ее тугой бок в белой наволочке. Рыба-кит. Она поможет. Иногда она помогала, но чаще, когда рыба-кит становилась камбалой и уплывала от него, папа бежал в аптеку за другой. Рыба-кит поможет. Надо только дождаться утра. Надо потерпеть, чтобы не пришли эти страшные доктора. Про Айболита всё неправда, в больнице его держали за ноги и за руки, он плакал, а они вставили в вену огромную иглу. Он не помнил боли, только жуткое, унижительное ощущение беспомощности. Сначала страх, когда его раздевали и укладывали на высокий белый стол, затем унижение, он ничего не мог, они с ним сделают, что захотят. Он дома рассказал, папа взял его на руки, «больше тебя не отдам», он поверил, но не совсем. А потом папа сказал маме: «Я узнал, им надо было для диссертации». Папа тоже писал диссертации, но он же никого не мучил. Главное, дождаться утра. Никто не поможет. Он один и рыба-кит. Скоро она начнет съезживаться, уплывать. Когда лампочка в ночнике потускнеет, а форточка пропустит свет, рыба уплывет, он сможет дышать сам. Если вдыхать пореже, она еще побудет с ним. Он закашлялся.

«Больше нельзя ждать. Надо вызвать скорую». Почему мама не понимает? Папа наклонился к нему, вставил черную кнопку в рыбу: «Попробуй, подыши сам, только медленно, неглубоко». Папа поправил самую заднюю подушку и присел на корточки. «Ну как, можешь?» Он опять закашлялся, потянулся к рыбе: «Дай!»

«Яков, сейчас же позвони, только не включай свет, я приготовила фонарик, и говори потише, а то Степанида снова будет целый день кричать на маму, что ей спать не дают, а у мамы и так всё время сердце болит». «Мирочка, давай еще немного подождем, он после больницы три недели был сам не свой и опять начал всего бояться». «Я не дам его в больницу, но они хоть приступ снимут, я не могу смотреть, как он мучается». «Ты же знаешь, что укол действует тридцать-сорок минут, а потом ему только хуже становится». «Главное – снять приступ, господи, куда делся фонарик...». «Ему надо выпить кипятку, в прошлый раз помогло, я сейчас включу плитку, в графине осталась вода...». «Боже мой, как ты, биолог, можешь такое говорить!». «Именно потому, что я биолог, организм сопротивляется сам, до войны не было никаких лекарств, мама всегда отпаивала меня кипятком, у меня только в ополчении прошла астма, нас со всего биофака...». «Я уже сто раз слышала, как она прошла, когда ты выводил из окружения тринадцать человек...». «Да, и вывел, и если б я был тогда в Киеве, а не под Москвой, вывел бы и маму, она была бы жива!». «Яшенька, родной, ну, успокойся, у тебя опять подскочит давление, ведь столько лет...».

У мамы странное имя. Мир – это он, а мама – женщина, она. Мир во всём мире. Непонятно, но точно он. Когда мама начинала сердиться, папа обнимал ее за плечи и называл «немирная моя Мира». Немирной была жена Зевса, она часто на него сердилась и превращала зевсовых подруг во всяких зверей. Забыл, как ее звали, надо перечитать или спросить завтра у бабушки. Если только она опять не будет лежать, как тогда, когда он решил поехать на кухню на велосипеде и перед поворотом налево позвонил в звонок, затем доехал до телефона и слез, чтобы пробежать по кухне и выглянуть на черную лестницу, но тут Степанида вышла из своей комнаты, пнула велосипед так, что велосипед упал, и сказала: «Вас, как тараканов, не вывези». Таракан был только один, в книжке, и его победили. Он хотел спросить бабушку, но она лежала, и он передумал.

Рыба-кит стала мягкой, прогибалась под его пальцем, надо еще немного потерпеть. Киев – столица Украины, Украина золотая, пели по радио. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут», – бабушка читала очень красиво, он сразу запомнил. Папа сказал, что они нико-гда не поедут на Украину.

«Если б я сама могла пойти, ну, пойду на ощупь...». «Подожди, вода вскипела, и ему уже лучше».

Папа поил его с ложечки, он хотел сказать, что несладко, но побоялся лишнего вдоха. Мама не видела в темноте, здесь была какая-то тайна. Когда после завтрака он под кроватью играл в блокаду и бомбоубежище, взвешивал в руке вместо хлеба кусочки сахара из папиной сахарницы, как делал тот профессор вечером по радио, вдруг вошла бабушка и тетя Лиза, они долго говорили, опять про Украину и всякие страшные вещи, он не мог вылезти. У бабушки была сестра, которую украинцы посадили в тюрьму, а немцы убили, а маму из тюрьмы выкупили, она тогда была маленькая, гораздо меньше, чем он. Выкупают ложки из ломбарда, как можно выкупить человека? Маму, наверно, мучили в тюрьме, как его в больнице. Он помнил, что плакать нельзя, папа не велел, он тогда сразу начинал задыхаться. Бабушка плакала, а тетя Лиза повторяла: «Ты должна радоваться, что Мирочка выжила, и Мишенька чудный, умный мальчик, и зять его так любит...». «Она теряет зрение, – твердила бабушка, – у нее же...», – тут он не понял, вспомнил, жену Зевса звали Гера, – ничего не помогает, ей пришлось отказаться от второй смены, ее некому встречать. А Мишенька тяжело болен, это наследственное, зачем она вышла за Якова? Якову сорок четыре, а он никак не защитится, приходит поздно, говорит, что надо написать две, чтобы его допустили...».

Наконец они ушли пить чай в большую комнату, он уже больше не мог, выбрался из-под кровати, закрыл глаза, шагнул, но сразу стукнулся о комод и тут заплакал, и опять был приступ.

Своей дремоты превозмочь не хочет воздух, форточка пропустила свет, лампочка потускнела, он дышал сам, рыба-кит уплыла, в следующий раз он уплывет вместе с ней.

Марина САЛЬМАН

Содружество Голодных Поэтов, г. Санкт-Петербург

Я и Дублин

Наталья БОГДАНОВА

СЕВЕРНЫЕ МОТИВЫ

От холодной воды поутру –
Стынут пальцы твои на ветру.
Чем я в памяти след сотру
От холодной воды поутру?

Стынут пальцы твои на ветру,
Стынет сердце у жаркой печки,
Как погасшие тонкие свечки –
Стынут пальцы твои на ветру.

Чем я в памяти след сотру?
Ветер тучи серые гонит.
От горячей твоей ладони,
Чем я в памяти след сотру?

СТИХИ ГЕОЛОГОВ

Читателям-критикам

Читаю шемящие строки,
Из сердца идущие прямо.
«Намечены карты и кроки» –
И в строки ложатся упрямо.

Упрямо, не очень умело –
Ты их осудить не спеши!
Души, а не брэнного тела,
Порывы всегда хороши.

Не в рифмах огрехи выискивай,
В снобистском увязнув дыму,
А в слове неловком, но искреннем,
Ты вычитай чью-то судьбу.

Читая, чужими печальями
Проникнись до боли, до слез,
И пусть унесет тебя в дальнюю
Страну путешествий и грез.

ПАРИЖ

Сен-Жермен, Шантйи, Сен-Мишель...
Эта звукопись, чуждая нам,
Витражей разноцветных капель,
Кружевной – в вышине – Нотр-Дам,
Нежно-розовых сакур костёр,
Да белеющий свод Сакре-Кёр...

Эта звукопись, чуждая нам,
Будто вальс – раз, два, три, раз, два, три –
Так похожа на птичий гам:
«Тюильри, Риволи, Тюильри...»

Витражей разноцветных капель,
А на улице – просто апрель,
И синицы призывная трель:
«Сент-Шапель, Сент-Шапель,
Сент-Шапель...»

Кружевной – в вышине – Нотр-Дам...
«Ах, мадам, извините, мадам.
Силь ву пле... Мерси. Кес ке сё?» –
Это всё с собой унесём:
Нежно-розовых сакур костёр,
Да белеющий свод Сакре-Кёр.

СОНЕТ О ВЕРЛИБРЕ

Сонету – нет! В тиски из строгих форм
Не втиснуть век, который мне достался,
И, как надгробный памятник, остался
Венок сонетов на могиле норм.

У века моего не тот калибр.
Ему подай раскованность, свободу.
И вот уже, анархии в угоду:
Сонету – нет! Да здравствует верлибр!

И, если красота — огонь внутри со-
суда,
Сонета строй — напрасная причуда:
Свобода в клетке — это просто бред!

И, замирая в ожиданье Чуда,
Предчувствуем единственный ответ:
«Да здравствует верлибр!»
А вышел-то сонет...

Алиса КЛИО

ЖЕЛТЫЙ ЗАЙЧОНОК

Я шла по освещенному двору,
Спешила на работу поутру,
В кармане книжка.
Как лучик на обшарпанной стене,
Сам желтый – и на сером валуне –
Зайчишка.

Вот странная находка! Как он мал!
В моих руках как будто меньше стал!
Замялось ушко.
Наверное, какой-нибудь малыш
Под вечер тут возился и, глядишь, –
Забыл игрушку.

А может, было всё наоборот,
И в полночь приземлился звездолет –
Пять желтых зайцев.
Возможно, прилетел издалека:
Измерить расстояние – на руках
Не хватит пальцев.
Передохнули... Что ж, лететь пора!

Продолжение на сл. стр.

И лишь один остался до утра,
С друзьями распрощался.
Найти приют пришел его черед,
К восходу солнца отбыл звездолет,

А он остался...

* * *

Ушли.
Унесли с собой смех, возню,
Тысячи надоедливых «почему»,
Грохот и крик,
Топот и визг,
Унесли с собою весну...

Ушли.
Захлопнули дверь.
В доме заперли тишину.

* * *

Собака – белой колбаской хвостик –
Себе однажды купила кости.
И поздно вечером, под луною,
Играла в кости сама с собою.

Наутро встала и, для затравки,
Сама себе проиграла завтрак,
Обед и ужин. Большое дело!
Остались кости – она их съела.

* * *

Зачем ты начал про весну?
Мне суета давно постыла.
Бить в барабаны?! Нет, помилуй!
Я не вступлю в твою войну.

К чему ты начал про весну?
На сердце пасмурно и стыло.
Сегодня я совсем без силы,
Стихов – и то не потяну.

Стихи кичливы и незваны,
Смешенье крови и огня.
На перепонках барабанных
Танцуют, нервами звеня...

Прошу, оставь меня одну,
Не нарушай покой бескрылый!
Займи молчанье у могилы,
Спаси весну...

ЛИКИ ВЕСНЫ В ГОРОДЕ

I

Деревья готовятся к лету.
Их отсеченные ветви
Брошены в жидкой грязи.
Букет, что выпал из рук Весны,
В слезах убежавшей...

II

Без ветвей, как кривые столбы,
Деревья нацелены в небо.
Оно так низко...
Могло бы служить крышей
Этому амфитеатру.

Николай АРВЕНТУР

АНТИПОДЫ

Кунджди нашёл для природы
Контрастные, яркие краски.
Стремятся сойтись антиподы,
И в былях рождаются сказки.

А люди противоречивы,
Но ищут друг с другом согласие,
Чтоб трудные, тучные нивы
Давали созревшее счастье.

Август 2010

СНЕЖНЫЙ ЗВЕДОПАД

Вновь зима открывает нам магию слова:
«Снегопад» означает вблизи звездопад,
И природа уснуть безмятежно готова,
Превратилась страна в очарованный сад...

Этот сад – не Эдем:
снег и Рай – несовместны,
Но не холод причиной, а Таинство звёзд.
Рай – конечен, в блаженстве
молчат интересы;
Белоснежность в свою
бесконечность зовёт...

Снегопад – звездопад,
укрывай мать-Землю
И частицами звёзд в наших душах пиши.
...В синей мгле вечеров
снег задумчиво внемлет,
Как поэты рождаются в чуткой тиши...

Вновь зима открывает нам магию слова:
«Снегопад» означает вблизи звездопад,
И природа уснуть безмятежно готова,
Превратилась страна
в очарованный сад...

Этот сад – не Эдем:
снег и Рай – несовместны,
Но не холод причиной, а Таинство звёзд.
Рай – конечен, в блаженстве
молчат интересы;
Белоснежность в свою
бесконечность зовёт...

Снегопад – звездопад,
укрывай мать-Землю
И частицами звёзд в наших душах пиши.
...В синей мгле вечеров
снег задумчиво внемлет,
Как поэты рождаются в чуткой тиши...

ЖИВОТВОРИЦА

Было лето, горячее слишком;
Души плавилась в мутную кровь.
Мы мороженым, словно пустышкой,
Заедали тоску вновь и вновь...

Мы устали от лета и просим
У природы: «Дай свежесть вдохнуть!»
И устала заботливо осень
Нам листвою мечтательный путь...

Мы идём по ковру золотому,
Что прекрасней персидских ковров,
И горчит, и тревожит истома:
Неужели уходит любовь?..

Нас покинут и лето, и осень,
И минует Десятый наш год,
Но Любовь – животворица очень
Любит нас и навряд ли уйдёт!..

Андрей ГРИГОРЬЕВ

ЧАЙКИ

Здесь раньше жило много стариков.
Они гуляли вместе и дышали
одним и тем же воздухом. Кто их
оставил в этом месте и зачем –
уже не важно. Дом их принимал!
И старики, обнявшись, как младенцы,
гуляли под деревьями, шурша
больничными пижамами, кто – лысый,
кто – плохо ходит, кто, вообще, никак.
Жизнь продолжалась – даже в этом доме.

Им было слышно, как шумит вода
и бьется о поребрик. «Чайки! Чайки!»
кричали восхищенно старики,
кидали чайкам крошки, вслед махали –
они напоминали им врачей:
все в белом – тут вообще всё
в белом цвете!

И, если у кого-то были зубы,
то этим старикам здесь поклонялись
без жертвоприношений – ну и что! –
им поклонялись, а беззубым – нет!

Продолжение на сл. стр.

Сказочки

КОСТЁР

В глухой ночи на обочине снежной дороги горел Костёр. Какой-то прохожий развёл его, погрелся и ушел, а Костёр остался гореть. Ему было очень одиноко в эту холодную ночь, а сильный ветер и снег старались его потушить. Жалея себя за то, что он такой одинокий и несчастный, костёр вдруг захотел понять, что же это такое – счастье. Вспыхивая, когда удавалось вырваться из ледящих объятий ветра, Костёр жалел, что так бесцельно проходит его короткая жизнь. Но зачем за неё бороться, если к утру он всё равно погаснет? А как хотелось, чтобы прошел уставший, замерзший человек и отогрелся у приветливого огня. Как Костёр мечтал поделиться теплом! Но вокруг были только ночь, ветер и снег, а им были совершенно не нужны ни свет, ни тепло.

Уступая упрямо ветру, утомлённый костёр начал затихать. Последние слабые языки пламени едва вырываются из-под остывающих поленьев, а снег готовился засыпать погасшие головешки, как вдруг на дороге появился путник, и костёр ожил. Он разгорелся и замахал огненными руками, приглашая человека согреться и переждать ночь.

Человек увидел огонь и зашагал быстрее. И вот он сидит у огня, топит в котелке снег и кипятит воду... А когда путник, закутавшись в пальто, сел рядом и остался дожидаться утра, Костёр понял: счастье – это когда есть для кого гореть.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОВОЖАЛ ПОЕЗДА

Судьба забросила человека на далёкий полустанок. Забросила и позабыла там, среди десятка-другого дворов, окруженных густыми лесами да просторными полями. В одном из домов нашлось для человека жильё. Нашлось и занятие по душе и рукам, так что ему не было случая чувствовать себя ненужным. Но только всё чаще и чаще, когда по вечерам, а когда и днём, ходил он на этот полустанок, где только табличка на полуразвалившемся сарае напоминала, как называлась эта станция. Приходил, садился на пень, оставшийся от большой старой липы, и провожал поезда.

Через этот полустанок проходило много поездов, но лишь редкие из них останавливались. Чаще всего мимо неслись товарные составы. Человек провожал их, завидуя машинистам, которым доводится видеть много новых мест, встречаться с новыми людьми.

Проходили мимо и дальние пассажирские поезда, которые тоже почти никогда не останавливались. Разве лишь затем, чтоб пропустить другой, спешащий поезд. Провожая эти поезда, человек старался вообразить себе пассажиров, которые ехали в них. Какие-то из поездов шли на юг, какие-то – на север. Кто-то из людей возвращался домой, кто-то спешил на работу, кто-то путешествовал, никуда не торопясь.

Три-четыре раза в день на полустанке останавливались пригородные электрички, которые могли довести до ближайшего большого города, откуда дороги вели во все края.

Не раз человек мечтал, как он соберёт в мешок свои вещи, сядет в электричку и уедет куда-нибудь далеко, навсегда. Но проходили поезда, наступала ночь, и он возвращался домой. А там начинался новый день и увлекал человека новыми заботами. И опять он не решался уехать.

И снова, и снова шел провожать поезда...

ФЕЯ ИЗ ПОДЗЕМНОГО ПЕРЕХОДА

Посвящается Лейле - девушке с удивительными зелёными волосами

В тот вечер он поссорился с любимой. Неважно, что он был прав, а она нет. Ссора произошла, и его правота не могла ничего изменить.

Он шел по Невскому. Впереди, на противоположной стороне, виднелась Публичная библиотека, дальше – Гостинный двор. Осталось лишь пройти под Невским проспектом к метро. Скоро он сядет в поезд и уедет домой, а всё, что произошло сегодня, останется здесь.

Как странно: радуешься, тоскуешь, злишься, обижаешься, а спустишься в метро – и нет ничего. Всё остаётся там, наверху, под снегом, под дождём, под летним вечерним солнцем, а в метро нет ни горя, ни радости...

Около Театра кукол он даже остановился, так ему не хотелось расставаться с недавно пережитыми минутами, хоть и горькими, но, тем не менее, принадлежащими его душе. Он посмотрел вверх – шел снег, и в свете фонаря снежинки кружились, словно звёзды в безграничном Космосе.

Когда он ступил на пандус подземного перехода, снег внезапно кончился, и с чёрного звёздного неба на него посмотрела луна. Не заметив её, он спустился вниз.

Там было безлюдно, только где-то вдалеке звучала гитара. Печальная мелодия кружилась в переходе, наталкивалась на колонны, отскакивала от них, звала туда, где играл невидимый музыкант. Идти пришлось неожиданно долго. Переход постепенно заполнялся мерцающим светом, и вдруг превратился в коридор какого-то средневекового замка. Над головой навис сводчатый потолок, путь освещали факелы, только гитара играла по-прежнему. И вдруг он увидел фею. Фея с гитарой, конечно, странное сочетание, но по первому, самому верному впечатлению, это была, несомненно, фея. Прекрасное зеленоволосое создание в потёртых джинсах и темно-красном, с коричневым узором свитере с широкими рукавами стояло в свете факела и, видимо, отдавшись музыке, не обращало внимания ни на что вокруг.

Он подошел поближе, и неожиданно эта девушка взглянула ему в глаза и спросила:

– Ты любишь танго?

– Да, – ответил он.

– Сыграть тебе «Утомленное солнце»?

– Да.

Её пальцы забегали по струнам. Старинная мелодия, словно обрадовавшись окончанию многолетнего плена, устремилась в коридор и понеслась от стены к стене, закружилась, затанцевала. Чтоб дать ей дорогу, он прислонился к колонне, а потом прикрыл глаза. В его голове воскресали слова, со спокойной грустью говорившие о несчастливейшей любви человека, давно покинувшего этот мир, к столь же далекой теперь женщине. И минута за минутой воскресал сегодняшний вечер. «Да любила ли она меня вообще?» – подумалось ему. А потом девушка заиграла следующее танго, потом ещё одно, и ещё, и ещё... И с каждой новой мелодией он понимал, что та, оставленная им нынче, была самым любимым и самым любящим человеком на свете.

Он открыл глаза.

– Давай потанцуем, – сказал он фее.

Она поставила гитару к стене, и под звуки продолжавшего играть инструмента они закружились, подхваченные музыкой, словно осенние листья – ветром.

А потом всё кончилось. Музыка умолкла, смотря друг на друга, они стояли у колонны.

– Возвращайся к ней, – проговорила фея. – Возвращайся. Она любит тебя. Возвращайся. Фея вновь взяла гитару и заиграла. Прекрасная мелодия подхватила его и понесла по коридору обратно, к выходу. Вот и знакомый пандус перехода под Невским проспектом. Он ступил на него и вдруг увидел луну. Весело помахав ей рукой, он выбежал на тротуар, где ждал его густой снегопад. Он кинулся в него, а мелодия из перехода, словно подгоняла: «К ней. Вернись скорей...»

И он побежал к Аничковому мосту, неподалёку от которого жила она, чтоб помириться навсегда!

Владимир МАЛЫХ

Что делать старикам, забытым всеми? Конечно, жить! И многие читали в колясках инвалидных или лежа, при свете ламп или когда в окно несется свет естественный – не важно! Читали всё – от Пушкина до Кафки, постмодернистов, правда, не любили,

но кое-кто читал и на прогулках, цитировал занятные места, и бабушки, смущенно улыбувшись, в платочки тихо кашляли, смеялись, другие же крестились и бесовской литературой называли это.

А годы шли... Деревья осыпались, но к лету листьями опять шумели. Природа – постоянна. Старики – не очень, а точнее – непостоянны. Как холодало, забирались внутрь и, съжившись под тонким одеялом, они хрипели, плакали, лечились и часто умирали в позах этих – их выносили и несли к обрыву, кидали в реку: хоронили так.

А новых стариков в тот дом нечасто везли, поскольку стариков немного, а если есть – то их не всех отвзят, а держат от себя недалеко, так близко, что порой услышать можно, как рядом бьется сердце старика. А эти... словно лес, редели, вместе как прежде выходили на прогулку, но часто, не дойдя до середины, шли к дому спешно, и лица на них, наверно, уже не было... С годами всё это превращалось в пытку или, точнее сказать, – в трагедию... С утра они жевали сморщенные груши, их запивали чаем, но не свежим, а на обед им приносили яйца, вареные, конечно! – если б чайки к ним прилетали и сносили яйца у них на подоконниках, – то было б наверно счастье! Старикам немного на этом свете нужно, уж тем боле на том... Ах, да, на ужин старикам давали рис и соевое мясо, а чаще кости неизвестных тварей, точнее – животных – и все дни вот так!

Я задолбал, наверно, так долго пишу о стариках, и всё на месте стоит повествование – мне бы сдвинуть, хотя бы попытаться, подтолкнуть! Но это ни к чему – к концу подходим. ...Пожар возник случайно, из-за спички. Банально – и совсем не интересно. Дом начисто сгорел, а стариков частично удалось спасти, конечно, – кого-то дети вновь домой забрали, кого-то не забрали никуда, – и кто-то до сих пор сидит и смотрит, как чайки – очень белые – летают и рыбу ловко схватывают с водной поверхности, потом несут в когтях и пропадают с рыбой, но другие появятся и пишу добывают, а старики завидуют и плачут, а чайки их не видят никогда.

DIS

Ангел трубит. Бормочет молитву Кто-то здесь рядом... Не знаю, не видно... Облако чёрное в небе несётся. Тот, кто с молитвой, Быть может, спасется. Кто его знает... Не верю... Хотя... Помолюсь-ка и я.

Пещеры, в которых хранят сокровища гномы, закрыты от глаз посторонних. Жизнь кипит в подземельях: Крысы пытаются найти и не находят

Недостающее звено от обезьяны К человеку.

В начале нового века
Весь ненужный хлам сторит,
Фашиствующие холуи
начнут крестовый поход
Против книг
И очистят пространство
Для своей Смерти.

Весёлые дети
Окружат Златоуста,
И он расскажет им о силе духа,
И поведёт к Солнцу,
Открывая ненужные клады
Маленьких гномов.

А гномы всё трудятся...

АНГЕЛЫ

Трепещет стих неровной трелью.
Мой чёрный ангел прячется за дверью,
Прикинувшись неясной тенью,
Я в это верю и не верю.

Клокочет дробь унылых маршей.
Мой белый ангел, прерываясь кашлем,
Сбивает пепел с крыл опавших –
Ведь для него цвет белый важен.

Надрывно скрипка режет душу.
Мой серый ангел никому не нужен,
Хотя со мной он и в жару, и в стужу,
Но грусть его удел, и вечно он простужен.

Наше детство кончилось давно.
Наши звёзды петь уже устали
И давно не водят хоровод,
Лишь мерцают, скованные сталью
Многих долгих лет
И долгих длинных зим,
Сжатых жизнью в жалкие мгновенья.
Времени ликующий огонь
Пожирает всё без сожаленья.

Третий глаз мой заплыл жиром,
Два других истекли кровью.
Уходя, уходи с миром –
Ведь судьба у души вдовья.
Космос рвёт за меня струны,
Ветер воет во тьме – тошно.
Раскидав по столу руны,
Я бегу в никуда, ложный.
Я бегу по воде в небо,
Разливая зимой вёсны.
Два крыла вместо рук мне бы,
Но летать мне, увы, поздно.
Не удержит меня воздух –
Я прикован к земле, серый.
Вечно ползать – судьба гордых...
Замыкается круг первый.
Впереди их ещё двадцать
Бесконечных кругов адских.
Я хочу рок-н-ролл сбавать
На могиле своей маски.
А Луна налилась кровью,
На затылке набил шишку.
Разродилась душа болью,
Я скользнул в темноту мышкой.

Анна ГРИГОРЬЕВА

ГОД С ПИТЕРОМ

А в хрустальном январском бокале,
Оставленном Питером
на моем столе,
Кубики льда
теряют свои очертания,
Превращаются в лужи.
Это оттепель.

Пушистые февральские варежки Питера
Замызгались быстро,
буквально за пару дней.
И попробуй-ка их отстирать!
Замочу-ка их в лужах с солью.
Это оттепель снова.

На Восьмое марта Питер решил
Подарить мне
мартовского кота.
Как же этот кот орет, горемычный!
Всем становится ясно:
Это уже не оттепель.
Это уже весна.

Леденцы апрельских сосулек
Питер вчера старательно
развешивал над моим окном.
Я спросила его: «Зачем?
Ведь как только начнется оттепель,
У меня опять потечет крыша»
Он ответил: «Чтоб ты поняла,
Это уже не оттепель.
Это уже весна».

Сегодня мы с Питером
пили молочный коктейль
Последнего майского похолодания.
Взбитая пена цветущей черемухой
Стекала по стенкам стакана,
Когда мы ушли из кафе.
Скоро лето.

А недавно Питер устроился
На сугубо ночную работу.
Ходит он теперь во всём белом.
И разводит мосты.
Точно: лето.

На улице – жара.
И Питер взгрустнул о зиме.
Подумал и устроил
пуховый снегопад.
Мне замело весь подоконник,
И немного попало в комнату.
Это лето.

Похоже, мой Питер
всерьез загрустил.
Последнее время по утрам
он так часто плачет!
Его легкий зеленый костюм
Основательно поизносился.
Я сказала: «Что ж тут поделаешь!»
Скоро осень.

Утром Питер
принес мне в ремонт
Свой потертый
зеленый костюм.
Я наставила кучу заплаток
Из желтой и красной материи.
Похоже, ему понравилось.
Ушел довольный.
Это осень.

Раздосадованный Питер
бил посуду на кухне.
Рано утром я шла на работу,
И под ногами хрустели осколки.
Вечером выяснила причину.
Оказалось, мои заплатки
Отвалились одна за другой.
Это первые заморозки.

Во искупление своей вины
Купила Питеру белый
пушистый джемпер.
Он, пока что, его бережет,
Надевает лишь иногда.
Но зима на носу.

У Питера новое увлечение –
Он рисует узоры на окнах,
И таскает меня по морозу,
Демонстрируя мне шедевры.
Он из джемпера не вылезает
И купил к нему шапку и варежки.
Завтра вместе поедem за елкой.
Зима утвердилась надолго.

Леонид МИХАЙЛОВСКИЙ

Жаркое солнце
оближет всё тело
Шершавым своим языком,
Оставив на память
полоскою белой
Зимнюю былль о другом,

Забытом так быстро
под летним напором,
Под сказкою нового дня,
Но эта полоска
белым укором
Напомнит на миг про коня,

Коня, что всю зиму
летел над обрывом,
Огню не давая пропасть,
Белое сердце,
белая грива,
Белая снежная страсть!

Всё было, всё было
и всё позабыто,
Как память, увы, коротка...
Стремлений костры
Заливаются бытом...
Конь загнан...
Ружьё у виска...

Племяннице Олгите

Я бегу, бегу, бегу,
Всё успею, всё смогу:

Поиграть во всех шкафах,
Полках, ящиках, углах,
Под столом, под табуреткой,
По дороге съесть конфетку,
Посмотреть в окошечко,
Поплясать немножечко,
Мама, пропусти скорей
Я помчусь ещё быстрее!

Неспроста бежит ребёнок –
Познаёт он мир с пелёнок!

Всё успею, всё смогу
Я бегу, бегу, бегу.

Стихо.ру посвящается

Как девку здесь берут искусство,
Как маску надевают бренд,
Заваливая стихоблудством
Литературный Секонд Хенд.

МАЛЬЧИК-ВЕРЕТЁНОЧЕК

*Колыбельная
Ярославу*

Спать ложится на бочок
Мальчик веретёночек.
Засыпай мой, Светлячок,
Засыпай, Котёночек.

Шутки шутит с бережком
За окошком речушка,
Завернулась крендельком,
Заплясала свечушкой.

Или это сон – сонечек
Заиграл на дудочке,
Расплескав один глоточек
Из фантазий кружечки,

И в страну воображалю
Полетели саночки,
Чтобы снились в дальней дали
Ночью детям сказочки.

Гость номера

Творческое удовлетворение — одна из основных потребностей человека

В сегодняшнем номере нового издания вниманию наших читателей мы представляем интересного человека, замечательного современного писателя - Марка Луцкого, проживающего в государстве Израиль, в городе Хайфа. Несколько вопросов к Марку:

- Уважаемый Марк, скажите, пожалуйста, к каким писателям Вы больше себя относите? К тем, кто формировал свое творческое амплуа прозаика и поэта советского периода и на основе классических произведений, или же в период постсоветского информационного разномыслия, т. е. новых течений в словесности?

- Сергей, я, как и все мы, — человек своего времени. Я родился в 1940 году, большую часть жизни прожил в Советском Союзе, и это не могло не отразиться на моем формировании. Писать стихи я начал еще в школе, и некоторые мои одноклассники считали, что мое место — на филфаке университета. Но тогдашняя литература — не вся, конечно, — мне не нравилась именно в силу своей политической ангажированности (я говорю так сейчас, а в юные годы я бы не смог это выразить, просто нутром чувствовал). В отличие от современной, классическая русская литература оказала на меня очень большое влияние, в частности, И.С.Тургенев. Слова Базарова о том, что «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», стали на некоторое время моим девизом, и я вполне осознанно поступил на химический факультет университета и проработал несколько десятилетий в области химии и ракетной техники.

Постсоветский период мне нравится именно своим, как Вы выразились, информационным разномыслием, ибо советское единомыслие, лично для меня — это жуткая вещь. Лично мне кажется, что именно в этом лишний раз отразилось лицемерие советского строя: с одной стороны, признание закона «единства и борьбы противоположностей» как движущей силы всего, с другой — всякое подавление любого инакомыслия.

Я приветствую разномыслие, но с этим следует обращаться очень обдуманно и взвешенно. Что же касается конкретно моего формирования, то я продолжаю формироваться, впрочем, это удел всех людей. За новыми течениями в словесности, признаюсь, не очень слежу, поэтому ничего стоящего сказать не могу.

- Марк, Вы довольно долгое время жили на Урале. В этом регионе, как и в самой России, очень популярен Павел Петрович Бажов. Его произведения для Урала, как эпос «Калевала» для республики Карелия. Как известно, писатель Бажов активно работал в советский период. Не считаете ли Вы, что своими произведениями Бажов поднимал самооценку у простых членов общества в смекалке, в справедливости, трудолюбии, что и следует собственно делать в словесной пропаганде. Теперь это делается на фанатичных признаках национализма, оккультного верования, что собственно и противоречит не только объективности в суждениях и непредвзятости, но, по моему мнению, это и есть та словесность, которая противоречит Российскому законодательству?

- Сергей, у меня особое отношение к Павлу Петровичу Бажову. Два года назад, когда отмечалось 130 лет со дня рождения писателя, я написал эссе «Мой Бажов», там выражены все мои чувства по отношению к певцу Урала. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за публикацию моего венка сонетов «Счастье Сказочника» в вашей газете.

Я думаю, что такие произведения, как «Малахитовая шкатулка», воспитывают в читателе истинно патриотические чувства.

Что касается нашего времени, то нередко за некоторыми призывами к патриотизму скрывается худшей пробы национализм, презрение и ненависть к другим государствам и народам. Такие проявления должны пресекаться правоохранительными органами как противоречащие Конституции.

- Может, я не совсем точен в определениях сатиры, которые высмеивают человеческие пороки, относящиеся к злорадству и пошлости. Вопрос, может, странный, но постарайтесь в моем контексте ответить, могут ли сатира и юмор быть неким оружием добра или зла?

- Ответ на Ваш вопрос для меня однозначен — может.

Еще А.С.Грибоедов написал слова, ставшие крылатыми: «Ах, злые языки — страшнее пистолета!». Нужно только различать клевету и сатиру, настоящий юмор и пустое зубоскальство.

- Прочитав Ваше стихотворение «Я столько раз бывал за рубежом», у меня возник такой вопрос: в своем стихотворении Вы подразумевали людей, считающих себя в СССР якобы ущемленными. Например, от невозможности посетить капиталистические страны или якобы лишенных возможности приобрести к некоей экзотике и другой культуре, или же это просто выраженная ностальгия?

- В моем стихотворении я попытался выразить только одно чувство — ностальгию по бывшему Советскому Союзу как огромному географическому пространству, по которому я немало путешествовал (посетил 120 городов и почти все республики) без всяких виз. Никаких других целей при написании стихотворения у меня не было.

- Мне известно, что для Вас самым интересным и возможно любимым историческим персонажем является царь Соломон. Как-то у меня возник спор с людьми, утверждающими, что за гробом нет никакой жизни. Эти люди ссылались на мудрость именно Соломона. В частности, из Ветхого Завета они прочли его изречение: «Мол, умрет человек, и помыслы его исчезнут». Марк, как Вы лично считаете: был ли в этом случае в мыслях Соломона некий сарказм, или же он заблуждался? Почему я спрашиваю? Тогда я ответил этим фанатиком, что Царя Соломона давно уже нет, а вы мне его мысли читаете.

- Соломона при жизни считали «мудрейшим из мудрых», и это справедливо. И все, что он говорил, имеет место быть. Мне кажется, что вы задали два вопроса, которые следует различать: 1. Есть ли загробная жизнь после физической смерти человека? 2. Может ли человек жить после смерти в памяти других?

Ответ на второй вопрос не требует ответа, он очевиден. На первый вопрос отвечаю так — я лично не верю в загробную жизнь, но, поскольку это вопрос веры или совести человека, то я свое мнение никому не навязываю.

- Марк, Вы являетесь автором многих серьезных научных работ, то есть работ, связанных с теорией и практикой вполне материальных вещей. Наряду с этим Вы написали почти четыре тысячи только одних стихотворений. В Вас лично присутствуют химик и лирик. Какое из этих творческих направлений дает Вам ощущение наибольшего удовлетворения?

- Мне кажется, что занятия наукой и искусством имеют один общий корень — творчество.

Творческое удовлетворение — одна из основных потребностей человека. Удовлетворение от результатов научной работы может иногда даже превосходить чувства, возникающие при успехе в литературе. Возможно, это происходит потому, что науку можно объективнее воспринимать по сравнению с искусством, которое всегда оценивается субъективно.

- Марк, попрошу Вас ответить на вопрос, который касается Вашей самокритичности. Например, после того, как Ваши работы уже опубликованы и их даже читают наизусть, было ли у Вас желание внести в свои тексты некоторые изменения? Бывает ли иногда Вам неловко за какие-то свои работы, прислушиваетесь ли Вы к критике, к некоторым конструктивным замечаниям?

- Я имею привычку что-то менять в моих старых стихотворениях и делаю это часто. Думаю, что это вполне легитимный процесс, мы меняемся с каждым прожитым днем, изменяются взгляды, восприятия, надеюсь, что совершенствуется техника стихосложения. Неловкости за свои работы я пока, слава Богу, не испытывал, а к справедливой и конструктивной критике отношусь с благодарностью, это Вы можете увидеть, например, на моей странице сайта «Поэзия.ру»

- И в завершение нашей беседы попрошу Вас, Марк, предложить вниманию читателей нашего нового издания свое стихотворное творчество, желательно, Ваш искрометный юмор.

- Сергей, хочу предложить Вам отрывки из моей рукописи книги «Литературные типы. Опыт маленькой энциклопедии», в которой я описал 350 литературных героев. Кстати, сообщая, что иду спонсора для ее издания. Может быть, кто-нибудь откликнется?

Беседу провел Сергей ПАШКОВ.

Литературные типы

Марк Луцкий

Переводчик

Активист

Он был всегда таков
И вновь прожесты строит,
Активность дураков
Нам дорогого стоит.

Он текст настолько переврал,
Что погубил оригинал,
И тот вопит, спасая плоть:
- О, не переведи, Господь!

Рассказчик

Бабник

Денег — полные карманы,
Но опять к столу приник —
Пишет женские романы
Предприимчивый мужик.

Найдешь в его коротком опусе
Собрание баек, былей, фраз —
Вчера услышал их в автобусе,
Сегодня поместил в рассказ.

Сценарист

Верлибрищик

Прочел его раз девяносто
И все пытался угадать:
Адепт верлибра? Или просто
Не научился рифмовать?

Свое шлифует мастерство,
Творит, не зная перекура,
И вновь страдают от него
Кино, театр, литература.

Титан

Гонорарщик

Он и кстати, и некстати
Мог любую вещь издать —
Больше всех любил писатель
Сумму прописью писать.

Такое сделать свыше сил!
Не знала этого природа —
Поэт поэта похвалил
И сразу стал «Героем года».

Уголовник

Детективщик

Видать, нашел перо жар-птицы
И получил особый дар:
Чем больше группов на странице,
Тем выше ценится товар.

Бесспорно, криминальный гений,
Хотя и отошел от дел,
Прозаик много раз сидел
И бойко «ботает по фене».

Фанатик

Ерундист

Автор с пафосом вирши читает,
И становится ясным, как день,
Что не в шутку его занимают
Ерунда, чепуха, дребень.

Принадлежит к другому клану,
Он очень близок к графоману,
Но хоть и близок, вывод ясен:
Фанатик более опасен.

Хроник

Жаргонщик

Речь его в жаргон одета:
«Башли», «шухер», «шмон»...
Кто запомнил бы поэта,
Если б не жаргон?

Шлет стихи во все издания,
Пишет быстро и весьма.
У него заболевание —
Недержание письма.

Цитатчик

Звездник

Сам звезды с неба не хватает,
Но, зная всех наперечет,
С любой «звездой» выпивает
И «Диалоги» издает.

Насколько текст его богат
Могучей россыпью цитат!
Гремит с энергией набата
Ее Величество Цитата!

Чернокнижник

Изобретатель

Есть вдохновению замена,
Все удивляются окрест:
Съест две таблеточки пургена
И выдаст за текстом текст!

Он включил в произведение
Пир вампиров, ведьмин блуд.
Нынче эти сновиденья
Эзотерикой зовут.

Шаблонщик

Кровопивец

Вешает — «Ведьме, крови ждущей,
Уже осталось мало ждать...»
Его стихи на сон грядущий
Минздрав не разрешил читать.

Подчинив себя канону,
Бодро шпарит по шаблону,
Издаст читатель стон:
- Новый том, да старый клон!

Щеголь

Льстец

Всех обожает без изъятия,
Но следует иметь в виду,
Что может задуть в объятьях,
А также утопить в меду.

Избрал своеобразный путь,
Звезда эстетская нависла,
Так любит рифмой щегольнуть,
Что в тексте не уловишь смысла.

Эпопейщик

Мемуарист

Он говорит себе: «Держись!,-
Перо сжимая в пальцах старых —
Нам героическая жизнь
Дается только в мемуарах!»

За эпопей — эпопея,
Сей автор многих славных дел
Творит, нисколько не старея,
Как видно, вовсе... эпопей!

Юбилейщик

Наглец

- Способен на любую гадость! —
Кипит писательская рать.
Что сделал он? — Имеет наглость
Намного лучше нас писать!

Не запинаясь, не краснея,
Готовит тексты к юбилеям,
Порой поддаст такого жара,
Что напрочь дух из юбиляра!

Ясновидец

Оживляльщик

Он для сюжета оживленья
Повсюду вводит обнаженья,
Сплошной телесный «оживляж»
Не повесть, а нудистский пляж!

Волшебник, хиромант, провидец,
Колдун, шаман и ясновидец —
У всех у них девиз таков:
- Всегда хватает дураков!

Современная поэзия

Георг Черный
Англия

Чёрная радуга Казимира Малевича

Несколько месяцев, только засну я – и
Снится мне радуга – дуг поцелуями...
Всем моим прихотям – сонным – покорная,
Но – почему-то – ужасная. Чёрная.

Чёрного – разного – цвета оттенками
Тихо полощется, спектром коробит... – не
Ждёт, не даёт разлагаться по полочкам, –
Льётся в сетчатку, где палочки - колбочки.
Я не боюсь этой гаммы безудержной
Чёрных тонов. А замучает – вырежь мой
Профиль из чёрного... Дунь – и развееся.
Чёрных цветов много тысяч имеется.

Всё разноцветьем в них переливается, –
Чёрным. Кромешным. Бессветно-зияющим.
Мне хорошо. Мне чудесно и радостно –
Слиться во сне с антрацитовою радугой.

Я затерялся в тех тысячах чёрного
Цвета оттенков... – и падаю. Вторники...
Чёрные среды... И чёрные пятницы...
Чёрное время графитно свивается...

Я забываю во сне свою жизнь, и он –
Сон – вдруг становится главным и жизненным.
В чёрном так трудно приходится памяти:
Будто наощупь, сквозь чёрный туман идти... –

Вы меня знаете? – Думаю, знаете!
Я ещё помню... А вы – забываете
Кто я такой?.. Где живу?.. Что, не вспомните? –

Красный квадрат.
В фиолетовой комнате.

Двое

“Дорога не полого, не крута;
по ней нельзя ни ехать, ни идти,” –
сказал монах, сорвав цветок с куста,
и Ургу протянул его в горсти.

Ург взял цветок, как если бы не брал,
и положил, как если бы не клал,
и обратился не к монаху: “Брат,
природа Будды – клад или не клад?”

Монах сказал: “Клад в землю не зарыв,
его нельзя найти и откопать.
Природа Будды спрятана внутри,
а значит – не глупа или глупа?”

Ург встал, потряс цветущие кусты
и снова сел, – как и они, в цвету,
сказав: “Не нарушают пустоты
ни летняя гроза, ни сердца стук.

Но правильно ли будет понимать,
что Будда – это тоже пустота?”
Монах спел на мотив одной из мантр:
“Дорога не полого, не крута;

по ней нельзя ни ехать, ни идти,” –
и потянулся, чтоб сорвать цветок
и Ургу протянуть его в горсти.
Вдруг – трудноописуемый восторг

взорвался в недрах бездны бытия,
где звёзды – лишь веснушки на носу
у исполинской пикси; где сиять
умеет темнота; где нано-сумм

настолько много, что любая часть
неисчислима целого; где путь
в любой эон проходит сквозь “сейчас”;
где бесконечный мир – безмерно пуст...

Монах и Ург сидели допоздна,
друг друга понимая хорошо.
Затем один из них, увидев знак,
поднялся, поклонился – и ушёл

дорогой – не пологой, не крутой,
какой нельзя ни ехать, ни идти...
Другой – сидеть остался у кустов,
и лотос расцветал в его горсти.

Наталья Гордеева
США

Яд и мёд

Знаешь, сестра, но с тех пор, как ты выпила яду,
город на быстрой речушке сковала чума,
птицы покинули лоно тенистого сада,
в сердце горячем моём прописалась зима...

Знаешь, отец не смирился - всё плачет да плачет,
бросил играть он на люгне, не видит снов,
в тёплых ладонях холодные слёзы прячет...
ты бы с оказией весточку - хоть пару слов.

Помнишь ту горлицу, что под окном прилетала?
Дети соседские утром забили камнями...
в серый комочек уже не вдохнуть начала,
пёрышком лёгким где-то парит меж тенями.

* * *

Знаешь, сестра, как вкусила я сладкого мёда,
яркая искра внутри вспыхнула из тлена
и, огибая далёкую дельту восхода,
реки текут по моим невесомым венам...

Веришь, я видела сон, как отец улыбался,
крепкие руки сжимали прогретую деку,
сад наш тенистый в белом хмелю просыпался,
светлые перья, кружась, опускались мне в руку.

Болотное

Затянуло болотной ряской, запрудило ветками,
наводнило мой пруд оккупантами-водомерками,
полукровками, полудурками да полуверками,
что давно и успешно размножаются клетками.

На заглавной из кочек сидит старичок да щерится:
что уставилась, пучеглазая, али не верится?
Не видала поди одноглазого лиха болотного,
торфяных королевств верховоду, царя подколенного?

Улыбается лиходею да просфоркой давится,
а с ладоней его коноплянка в небо срывается.
Отчего, говорит, опечалена наша красавица,
неужели причина в том, что весна отменяется?

Нарекаю тебя Окулиною-Охулиною,
будешь вместе со всеми пить из копытца козлиного,
коли выполнишь-перевыполнишь жабью миссию,
то тогда просим милости к нам на евхаристию.

Медовухи из вёха дикого мне зачерпывал,
от румяного пирожка с бузиною отщипывал,
говорит, не кручинься ты, глупая, всё пучком,
будешь счастлива с Ваней-Ванечкой-дурачком.

Марина Супрунова
Украина

Карма

Я в дурацкой одежде факира глотаю сомнения
под всеобщее одобренье. И как одобрение,
заливаю в глотку микстуру -
встряхнуть, но не смешивать -
будет вам представление, пипл. Какого лешего!

И сомнение прорастает вишнёвой косточкой,
(скоро будет плод, а на тесте - одна полосочка)
пьёт желудочный сок и корнями в бронхи влетается.
Доктор врёт мне в лицо - мол,
не парься, подруга, случается.

Сквозь гортань прорывается стебель -
живой и губительный,
стало быть, мне в борьбе с сорняками
не быть победителем.
И когда я лицом в тарелку свалюсь за ужином,
вместо двух отказавших почек распустится дюжина.

А в графе, где диагноз - прочерк. На белой скатерти
нашинкуют бывшее тело к такой-то матери,
и насчёт годовых колец что-то скажут язвительно,
отгоняя пчёл, что похожи на мух подозрительно.

Похоронят в цветочном горшке,
что не может не радовать -
из земли взят и в землю отыдешь,
чтоб снова изъятый быть.
Но потом. А пока - сотрясаюсь весенними спазмами.
Расцветают глазницы бутонами -
влажными, красными.

Ex nihilo

*(краткое пособие по отключению
сигнализации у корня мандрагоры)*

Закрой мне глаза и веки, только не приведи
господь меня снова обмолвиться в разговоре
о том, как тянулся за стеблем, а вырвал, поди -
кричащий, визжащий, за землю цеплявшийся корень.

Он так надрывался, что либо бросай и беги
подалее, либо порви дребезжащую струнку
и на расстоянии вывихнутой руки
смотри, как в руке этой вьется чернильный гомункул.

Порвал его в клочья и молвил: “Лети, лепесток,
смешавшись с золой из какого-нибудь сайлент хилла,
возьми мою душу завернутой в черный платок,
взамен притаранив мне весточку ex nihilo.”

И зубы ломали об дерево иггдрасил,
и пели о гиблой душе циркулярные пилы,
да так хорошо, что, заслушавшись, не спросил,
кому эти колья на дне незарытой могилы.

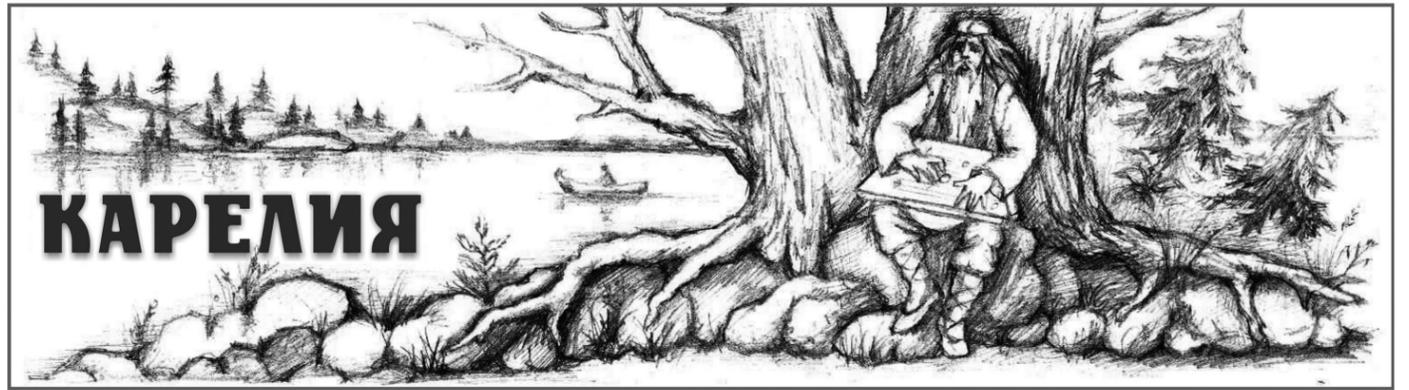
Post-mortem

Самый страшный сон для слабосильного младенца
умереть и этим никого не умилить,
мать его качает инфлюэнца инфлюэнца,
птички спят в деревьях, и тебе пора фьюить.

Он закрыл глаза и представляет океаны,
как они сверкают и зовут его уснуть,
как навстречу солнцу кровеносные тюльпаны
процветают сквозь его распахнутую грудь.

Правда, он не видел ни цветов, ни океанов,
он едва рожден и не умеет говорить,
только слушать птицу, что стучит в окно незвано,
полетели в салки, чур тебе водить, фьюить.

Мать кладёт в кроватку, вот теперь ты не страдаешь,
мать зовёт фотографа, сними дагерротип,
сын кричит синицам, не поймает, не поймает,
ты на ветку, с ветки я, из яслей, прямо в лимб.

Чешуйки серебряного сига

«На сегодня хватит, пожалуй», - кряхтя, попробовал распрямить занемевшую спину Ниило. Отложил в сторону только что оконченную работу - плетеную корзину - и вышел из-под навеса. Там возле низенькой скамейки возвышался маленький курган из разнокалиберных корзин, без которых не обходится ни одно хозяйство в карельской деревеньке. Каждая светилась нежным золотом, и горка из корзин казалась живым теплокровным существом. Потирая ноющую поясницу, Ниило заспешил к открытому в доме окошку, близости от которого он и устроил себе рабочее место. «Что-то старухи моей давно не слышать, - взволновалось и тревожно забухало вдруг сердце, - как бы она не того... упаси, Господь!»

- Айно! Айхоша! - позвал дед осипшим враз голосом и, задрав седую голову, стал вслушиваться в тишину избы, - старуха моя, да ты жива ли?!

- Ну, чего голосишь, старый? Покою нет от тебя, разбудил, - ворчливый голос, донесшийся из нутра избы, успокоил Ниило. Через миг он зазвучал уже с просящими нотками:

- Клюквы мне потолки, кисленького хочется...

- Сейчас, бабуля, я тебе и клюковки и... лимону с чаем! - полетел к крыльцу дед на всей скорости, которую позволяли ему развить щелкающие в суставах ноги.

Они с Айхошей разменяли уже седьмой десяток. За плечами целые эпохи - советско-финляндская и Отечественная войны в обрывках детских воспоминаний, послевоенная разруха, голод, бесконечные дни, месяцы, десятилетия, наполненные тяжелым трудом. Только выбирались из одних передраг, как родная страна, любительница кризисов, забрасывала в другие. Эх, Россия-матушка! Не про тебя ли поется: «Беспокойная я, упокой ты меня!» Только покой тебе не нужен, ищешь приключений...

Сбросив башмаки под лавку на просторной веранде, Ниило привычно огляделся и в сотый раз похвалил себя за то, что нашел-таки в себе силы отремонтировать хату. Не слушая протестов жены, которой жаль было расставаться с их скромными сбережениями, не надеясь на помощь детей, которые наезжали в канюкулы и радостно ссыпали из автомобилей одуревших от мобильников и компьютеров внуков. И уж совершенно не считая нужным рассматривать заявки от местных алкашей-умельцев. Истинная причина их рвения была пожелавшему отремонтироваться Ниило доподлинно известна. Может, когда-то их руки и слыли золотыми, да срок действия бывлой славы давно истек. Ошибается тот, кто говорит, что мастерства не пропьешь. Пропить можно все, даже жизнь. Нужен крепкий стержень, чтоб держаться, да немногие успевают ухватиться за него. А большинство и не давало себе труда - ах, опять какие-то трудности? Ну и чего держаться, легче глаза залить и плыть по течению. Ниило это дело не уважал. То есть, ежели случалось в деревне или в семье торжество, от стопочки, конечно, не отказывался. Но меру свою знал четко. Как только ударит в голову жар, да начнет строгое лицо его Айно стремительно молодеет, так, значит, стопку горлом вниз и basta! Незаметно прикрывая ладонью ухо, кивал он в такт пронзительным песням карельских старух. Напьюсь, лучше не будет, только позору не оберешься. Да рассолон дня два отпиваться будешь, желая легкой смерти, а вот работа встанет. Не жаловал Ниило таких работников, что с первых дней кланчили аванс, а потом исчезали. Потому и решил сам дом обновлять.

Неторопко, с ранней весны начал и до самой осени сам возился. Зато теперь изба в терем превратилась, приятно посмотреть. И свои, деревенские, забегают вроде по делам, а сами головами крутят. И приезжие, особенно туристы, сразу внимание на их домик обращают: первый он сразу за железнодорожным полотном и стоит. Смотрит на мир новыми крепкими окнами. Категорически отказался Ниило от советов осквернить избу новомодным пластиком. Своими руками отстрогал каждую раму, словно картину, вставлял в нее стекло. Картины и вышли, если из избы глядеть. А со стороны улицы - дом с чистыми глазами.

В комнатах мало, что сам менял, тут как раз невестки с дочерью расстарались: поклеили, побелили, покрасили. Против заграничных обоев Ниило не возражал. Раскатали бабы перед ним рулон - лишь ахнул про себя - красиво! А те, стараясь особо придирчивому критику не перечить, шестым чувством уловили, как ему угодить. Для залы, как сами старики называли горницу в три окна, что-то не броское, но такое подходящее выбрали, с золотыми ободками по благородным зеленым полосам, что, усевшись в любимое кресло новости посмотреть, ощущал Ниило некую торжественность. В спальне, по настоянию жены, любившей цветы, на стенах распустились целые сады, но опять же, без излишеств - не пестрило в глазах. А уж в той комнатухе, где теперь хозяин дома почивал, и вовсе спартанская обстановка была: узкий лежак, стул, да шкаф со времен... и уж сам не помнил, каких. Воспользовавшись отсутствием Ниило, когда ушел тот в Ладогу на два дня, прихватив любимого пса Дика, родня пригостила его сюрприз.

Поздним вечером вернулся рыбак. Пока растянул на просушку сети, пока выпил горячего крепкого чая, уж не чуял, как до постели добрался. Так и рухнул, не зажигая света, лишь порты уличные сбросив. А утром проснулся, глаза открыл, да так и застыл, не в силах подняться. Стены - такие же, как волны Ладоги в погожий день, но немного, словно дымкой подернуты, и потому не режет глаз ультрамарин. И пол какой-то золотой, непривычно ровный. Невестка объяснила потом - ламинат называется. И картины напротив постели висят в белых строгих рамках.

На одной - знакомое до последней коряги побережье, полоса ночного горизонта и лодка рыбацкая, как лодка на волнах. И лодка, и фигурка в ней, что распахнула руки с рыбацкой сетью, будто не серебряного сига, а саму луну поймать решила, показались Ниило тоже не чужими. Батюшки, свету, ну конечно, вон и остроухая башка Дика, на корме торчит! Ай, да зять, ай, молодец! Приезжал прошлой осенью погостить с семейством из Твери. Напросился с Ниило на ночной лов. Тот, чертыхаясь про себя (не любил, когда нарушали его раздумное одиночество), не решился отказать гостю. Не чужой, поди, человек, да и кто их знает, этих художников. Обидится еще, да не станут с дочкой приезжать. И жена тогда взгляд от печки метнула, как гранату - попробуй, мол, не возьми! И Ниило лишь мотнул согласно головой - соберайся. Смешно, тридцатипятилетний мужик, под метр девяносто, а посккал, как малый телок сапоги искать. И внучок следом мячиком запрыгал: «Ну, папка, ну, дедуль, и я хочу!» Еле отговорили: мал еще, да на всю ночь, да городской, не дай Бог, расшалится в лодке. Это теперь уж поспокойней сделался, нет - нет, да и пристроится к Ниило, если тот рыбацит недалеко от берега.

А в тот раз старик не пожалел, что зять взял. Юрий не мешал, лишь очутились в Ладоге, затих, подолгу глядя, как казалось старику, в одну точку. Только когда пришло время дельную помощь оказать - бесшумно на всеслах вдоль острова пройти, да сети вытащить, сильно удивил тестя, показав свою хватку и в том, и в другом. А точка та оказалась не простой - с нее Юрий весь мир, к которому Ниило уж давно привык, как к своей избе, по-своему увидел.

Теперь этот знакомый - новый мир прямо в комнате поселился.

Тут же и вторая картина - сад, да не та его часть, где Айно каждую весну свои цветики-семицветики высаживает, а другая - заросшая буйной зеленью, с кряжистой старухой-яблоней, в тени которой плел поначалу свои корзинки Ниило. Вот и низенькая лавка, у подножия которой лоза и прутья сложены. Даже ножки с резной ручкой, который был неизменным помощником в этой работе, на лавке очутился.

В общем, хоть гостей Ниило в свою келью не допускал, но перемена в ней осталась доволен. А за зятья - талантлище, как он про себя опять-таки подумал, гордость распырала. И уж место рядом со стариком в лодке на много лет вперед ему было обеспечено.

Все остальное Ниило сам доделал. Даже веранду новую выстроил - считай, целый холл к избе приладил. И диванчик там поставил - кому жарко, летом на нем спал, и для сундука старинного, что в кладовке полвека ютился, место нашлось. И половики узорчатые, которые много лет ткала Айно, не хуже дорогих ковров свежий пол украсили. Не забыл дед и о жизненно важном - еще одну пристрочку к веранде пристучал. Да все по уму и с утеплением, чтоб не бегала его Айхошка до ветру в морозы через двор. Чай, не молодые, комфорту заслужили. Так и обновил весь дом, по мере сил до ума довел. Слез с лестницы, последнее ведро краски, на стены положив, и пригостился со своей старухой спокойную старость проживать.

Но тут пришла беда. Нежданная гостья - болезнь - змеей вползла в их жизнь и стала изнутри пожирать его Айхошу. За зиму та превратилась в тень. Пришлось срезать остатки белокурых кос, от которых остался седой редкий пух. Жена стремительно теряла зрение. Телевизор, как раньше - хоть изредка, после трудов, вместе теперь не смотрели. Айно сердилась и терялась от немочи, и без того не легкий характер ее, стал портиться. Она раздражалась, ворчала, и, боясь сделаться ненужной, к чему не привыкала, пыталась везде успеть со своими замечаниями. Понимая состояние жены, скрывая собственные страхи при виде того, какими темпами наступает недуг, Ниило только прерывисто вздыхал и молчал на старухины несвоевременные реплики.

Летом та никаких цветов уже не сажала. Так, что самоем вошло, то и распустилось. Осторожно держась за свежеструганные косяки, выходила вечерами старая Айно на крыльцо, садилась на ступеньки и рассеянно смотрела вокруг. Пара пестрых куриц по привычке бросалась к ней, но, так и не дождавшись подачки от заботливой прежде хозяйки, разбредалась по кустам. Там куры беспрепятственно рылись, не боясь получить нагоняй. Старый Дик - верный сторож их хозяйства и почетный напарник Ниило на рыбалках, бряцая цепью, делал попытки приветствовать хозяйку. Убедившись, что та и его не замечает, обескуражено возвращался на место возле будки. Но, храня уважение, не хлопался на бок в примятую траву, как обычно, а оставался сидеть, чуток прядая ушами и следя за всеми, кто приближался к калитке. Лишь древняя, клочкастая кошка Сара удостоивалась внимания старухи, начинающей видеть зыбкую грань между мирами. Стоило включиться кошачьему моторчику и послышаться его равномерному урчанию, как вздрагивала рука, обтянутая тонкой морщинистой кожей и тянулась к животному. Погрузившись в тепло кошачьего бока, пальцы слабо шевелились, поглаживая мех.

Мотор работал все громче, а мысли уносили Айно далеко-далеко. Туда, где, смеясь, собирает Ниило ее расстравленные морским ветром шелковистые волосы, выбившиеся из кос. Где сам он - молодой, не то, чтобы красавец, но крепкий, сильный парень в тельняшке с ярко-синими полосками. Он - моторист на рыболовецком судне, а со временем и помощником капитана станет. И все подружки в деревне завидуют - вот ведь, Айхошка, зеленая еще, а жениха нашла первая! Тогда, в 1951 году ей всего шестнадцать было, а ее Ниило не многим-то и больше - восемнадцать годов стукнуло! Свадьбы, как таковой не было: некому было родней назваться, никого в живых у обоих после войны не осталось. Лишь раздался стук в дверь комнатки, где приютила бабка соседка осиротевшую Айхошу, да вошел в нее браво моторист с безозырой на буйных кудрях и с охапкой кувшинок в руках, перемешанных с оранжевыми купальницами. Это быющее в глаза веселое солнце из цветов врзало в память Айно на всю жизнь. И потом, когда муж принес ей на рождение их троих детей модные гвоздики, и когда дарил, бывало, перед зоркими глазами гостей, на юбиле их свадьбы - жемчужной, серебряной, золотой - роскошные розы и помпезные хризантемы, отмалчивалась она, памятуя о желто-оранжевых брызгах жизни. Вот и сейчас, когда память отрывалась от разума и ускользала вместе со здоровьем, мысленно цеплялась седея Айно за видение солнца из кувшинок и цеплялась за него из последних сил.

Во время таких ее посиделок на крыльце и перебрался Ниило со своими корзинками и лавочкой из-под яблони за домом на другую сторону двора. Хоть и досаждало ему то, что всяк походящий мимо задира над калиткой любопытную голову. Зато за женой присмотреть можно, мало ли чего.

Как-то в один из вечеров старик почувствовал неладное. Мало того, что никак не ладилось привычное ремесло - то прут выскочит, больно хлестнув по щеке, то нож норовит вместо палочки палец отрезать, примешалось ко всему чувство неясной тоски. И стало расти, расти, пока не показалось Ниило, что остался он один во всей вселенной. Резко подняв голову, он усталился на пустое крыльцо. Как же сразу не заметил, что жены-то нет! Не сидела она, как обычно, невдалеке от отрешенным видом, не поглаживала невесомой рукой дряхлую кошку, не делила с ним, Ниило, их общее жизненное пространство.

Пудей, взлетев на крыльцо, забежал он в дом. Тишина испугала больше, чем оглушительные взрывы во время бомбежки фашистами Приладожья. Удивленно глядя в потолок, лежала Айно у порога в горнице. Трясуши-ми руками Ниило приподнял жену, осмотрел и, убедившись, что та не поранилась при падении, с трудом дотаскал ее до постели. И впервые схватился за мобильный телефон, подаренный детьми давным-давно. Уговаривали, не ходи в Ладогу без него: береженого, Бог бережет, будь всегда на связи! Но Ниило все время забывал непривычную штуковину в разных карманах, да и потерять боялся. И вот сейчас впервые обрадовался, что не надо к соседям бежать, к телефону проситься. Найдя бумажку, на которой были вписаны детьми все жизненно важные номера и подробный способ их набора, Ниило вызвал скорую помощь.

Жену увезли в больницу в райцентре. Старик сразу осунулся, стал еще нелюдимее. Из дому выходил только для того, чтобы успеть на автобус в город. Каждое утро туда, каждый вечер обратно. В палате у больной он проводил не более получаса: незачем было торчать среди полуодетых женщин разного возраста. Посидев у постели безмолвной жены, исподтишка поглядывал ее руку, он выкладывал на тумбочку привезенные гостинцы. Знал, что они ей сейчас не нужны, да как же с пустыми руками-то? Угощал остальных. Выходил в гулкой больничной коридор и ждал докторов. Те спешили по своим неотложным делам, но обязательно кто-то из них приглашал Ниило в ординаторскую, и следовали объяснения на непонятном медицинском языке. Но что такое диабет Ниило сразу понял. Это та беспощадная гадина, что превратила его статную, светившуюся тихой благородной красотой почтенного возраста Айхошу в развалину. Мало того, лишившая его возможности видеть ее хотя бы на ступенях крыльца.

Здесь, в райцентре, жили оба их сына. По вечерам, сменяя друг друга после работы, они с невестками дежурили возле больной. Упрямо отказываясь от приглашения заночевать у детей, с наступлением сумерек Ниило топал на остановку и уезжал домой.

Через две недели врач вызвал старика на личную беседу. К тому времени правая нога Айно опухла и приобрела зловещий оттенок. Оказалось - занозила, сидя на крыльце босиком. А болезнь только этого и дождалась. Сначала Ниило упорно не соглашался на ампутацию. Представлял, как воспримет это известие его гордая старуха, когда очнется. С ужасом рисовал в мятущемся уме картины, в которых Айно пыталась привычно встать на обе ноги и падала, обнаружив, что одной из них нет. А время уходило. Ниило понимал, что нужно принять решение, но никак не находил в себе сил. Пока, наконец, младший сын, крепко сжав задрожавшие губы, не подписал одним махом все необходимые для операции бумаги.

Он же первым и вошел к матери, когда ее привезли из операционного блока. И встретил ее из забытья, и проводил в палату отца, который в первый раз на его памяти безутешно плакал.

Ко всему привыкает человек. Привыкла ли Айно к тому, что возле постели поблескивает спицами на больших колесах вечное теперь кресло? Что деревенский быт, к которому они давно приспособились, заставляет ее звать мужа в самые неудобные моменты, когда, будь все как прежде, она бы лучше умерла на месте, чем позволила ему вмешаться? К тому, что дети и внуки, которые теперь часто бывают рядом с ними, вкладывают ей в руки кусок хлеба, потому что она его не видит, даже поднося к самому лицу?

Об этом она ни с кем не говорила. Она даже реже стала плакать по ночам, хотя первое после того, как очнулась после операции время, ее подушка не просыхала. Сквозь замутившийся разум стали проникать ясные лучи. За окнами совсем ошалели от тепла синицы. Лежащая изголовьем к окну Айно не видит мелькания желтопузых стрелок, но слышит их радостное пение. Весна в разгаре, скоро смолистыми почками запахнет. А летом снова нагрянут внуки и маленькая внучка. В новогодние каникулы они все приезжали бабушку проводить, да не до того было после операции. Мелькнули перед глазами их ошарашенные, испуганные мордашки и исчезли - махнула рукой, велела прочь увести. Но до самого отъезда слышала, как старшие приучали детей спокойно относиться к несчастью и старались сохранить заведенные в доме традиции.

- Как, вы руки перед обедом не помыли? Так и сели, с грязными? А вот бабушка узнает, что скажет?! - строжила сыновей старшая дочь. И доносился торопливый топот в направлении умывальника.

- Маруся, что же ты капризничаешь? Вот бабуля поправится, спросит, как себя вела наша Марусенька? - непривычно многословно заливался Ниило, - и что, мы ей скажем - плохо?

Такой подход не давал Айно уйти в себя. То и дело из-за прикрытой двери раздавался то тоненький голосок внучки, то басовитые, как у деда, голоса внуков: «С добрым утром, бабулечка! Привет, бабуля, пока, бабуля, поправляйся, бабушка!»

Когда все разбегались, Айно уже мысленно строила зыбкие планы на лето. И вот, ей кажется - оно пришло...

Наступил тот долгожданный день, когда она воссела на своем нынешнем кожаном троне и с высоты крыльца обвела взглядом двор.

А двор их, как целая жизнь: ловко плетет свои корзинки Ниило, который не доставал лодку из сарая с прошлого года. Сейчас вот зятя поджидает, может, и решится еще разок с волнами побороться. Кошки Сары уж нет, она и так пережила на этом свете все годы, ее роду отведенные. Верный Дик брешет шепотом - голос пропал, отлаялся. Но при слове «рыбалка» так молотит хвостом, что только пыль столбом вокруг! Огород зарос сочной травой, да все, что нужно, теперь из магазина приносят. А им много и не надо... Зато под окнами избы невестки цветник разбили. И цветы там какие-то диковинные, не такие, как Айно когда-то разводила, привычные примулы, да бархатцы, да ноготки. Но эти тоже красивые, хоть и сливаются они у старухи в глазах в разноцветные пятна.

А вот и внуки - стайкой в калитку влезают и бегом к Айно: «Смотри, бабулечка! Это тебе!» И опрокидывается солнце к ней на колени. Слабыми руками собирает Айно что-то прохладное, свежее, родное до ужаса. Поднимает к глазам, зажмуривается и... вдруг видит! Очень хорошо видит целый сноп из солнечных лучей, что бьет из чашечек кувшинок и купальниц и пускает зайчиков по всему двору! Один из бликов падает на склоненную над корзиной голову Ниило и, смешавшись с серебром запутавшихся в остатках его волос рыбьих чешуек, отражается обратно. Прижав цветы к груди, Айно встает, окруженная этим сиянием, и легко, не касаясь ступеней крыльца, идет навстречу мужу, его смеющемуся лицу, засиявшим, как в молодости, глазам цвета северного моря.

Наталья АХОНЕН

Литва

Евгений Ююкин

Живёт в Вильнюсе, Литва. Писать начал в 1967 году в армии. Писал во время учёбы в Московском энергетическом институте. Затем была долгая творческая пауза - занимался наукой, был старшим научным сотрудником в Институте кристаллографии АН СССР (Москва), кандидат физико-математических наук. Продолжил писать в конце 90-х годов. Являлся членом Русского литературного объединения «РУСЛО» в Вильнюсе, в данное время является членом студии «Созвучие», Вильнюс. Член правления республиканского отделения МАПП (Международная Ассоциация Писателей и Публицистов), Литва. Публиковался в сборнике студии «Созвучие» 2008 года и в Литературном Русском альманахе 2009 и 2010.

**Озерный край, Литва моя!
Я счастлив, что нашел тебя,
Страну неброской красоты.
Меня очаровала ты.**

**Страна дождей, страна ветров.
Смотреть в лицо твое готов
Я каждый день и каждый час.
Пока судьба живет для нас.**

**Природа плачет, природа плачет,
А как иначе?**

**Ушел не мужем, пришел - не нужен,
Вот неудача!**

**Всю осень вместе, всю зиму вместе,
Весною тоже.**

**А летом - словно мороз по коже
На что похоже?**

**Прощай, малышка, прощай
малышка,
Какое горе?**

**Близки мы были, но и не слишком -
Давай поспорим?**

**Пять часов. Окно светлеет.
Крики галок. Сна дурман.**

**И верхушки елей бреет
Опустившийся туман.**

**Тук-тук-тук. По тротуару
Чи-то скорые шаги.**

**И краснеют с пылу-жару
Крыш остывших пироги.**

**Не заснуть. Хоть знаю - вредно
Сигарету закурить.**

**Закурю. Не так обидно
Будет бред свой позабыть.**

**Чепуха. Кривые лужи
Шьет весенняя капель.**

**Хуже, если зимней стужей
Стынет девичья постель.**

**Тишина и покой.
Птиц не слышно в лесу.**

**Солнце гладит рукой
Хвойных веток красу.**

**Грозди шишек сверху
Отражают закат,**

**На февральском ветру
Словно свечки горят.**

**Немудреный коллаж:
Вся опушка в снегу.**

**Этот тихий пейзаж
Я в душе сберегу.**

Елена Шеремет

Живёт в Вильнюсе, Литва. Редактор литературного русского альманаха «ЛИТЕРА», член Международной Ассоциации писателей и публицистов. Автор поэтического сборника «Жизни графика», соавтор нескольких поэтических сборников и альманахов.

Публиковалась в журналах «Экспозиция» и «Настоящее время», газете «Российский Писатель», периодических изданиях Литвы.

СЫНУ

**Еду, еду, еду к сыну...
В такт колёса подпевают.
Это так необходимо,
И ещё я успеваю
И обнять, прижать к сердечку,
И взглянуть в глаза родные.
Боже мой, как жду я встречи!..
Это так необходимо...**

**Пусть с тобой, сынок, в разлуке,
Но по-прежнему едины.
Облик твой и твои руки,
И глаза необходимы...
Сердце мамы согревает
О тебе сны и картины,
Память вновь их оживляет -
Связь с тобой необходима!
Голос в трубке телефонной -
Это ты, родной, любимый!..
Я делюсь перед иконой,
Как тоска невыносима...
Попрошу я Матерь Божью,
Чтоб здоровым был, счастливым.
Мчусь к тебе, сынок, стрелюю:
Расставанье невыносимо.**

ПОЛЕ ПАМЯТИ

**Поле памяти болью скошено,
Семенами лжи запорошено
И нелепицей чёрной выжжено -
Заморочили и Всевышнего.**

**Память-истина исковеркана,
И «героями»-изуверами
Загордились вдруг - ордена, почёт.
Разве подвигам есть
обратный счёт?..**

**Победителей гордость втоптана
В грязь, а полуюшко перекопано -
Поле горюшка перерытое,
Вдовьей слёзущою омытое,**

**И осколками в ранах взорвано,
Километрами забинтовано...
Но в сердцах людей - монолитная
Память светлая - не убита!**

ЖИЗНИ ГРАФИКА

**Будь то палочки в тетрадке
первоклашки,
Иль полоски на морпеховской
тельняшке,
Штрих-пунктир на чертеже
студента,
На бумаге нотной знак мордента,**

**Плётка чёрно-белого кино,
Свет дарящее в ночи окно,**

**Негра белозубая усмешка,
Тлеющая в печке головешка,
Домино, иль клавиши рояля,
Бледное лицо из-под вуали,**

**В марте пашни
чёрно-белый гребешок,
У брюнета первый снежный волосок,**

**Чёрточки заветные берёзы,
Мима чудные метаморфозы,
Траурная лента, белая фата,
На снегу деревьев чёрных нагота,**

**И театр теней, и шахматное поле -
Жизни графика.
Прочерчены все роли.**

Маргарита Алкснис

Автор трёх поэтических книг для взрослых: «Свет Незримый» (Рига, 2008), «Осколки» (в 2-х частях, Рига, 2009), «Ветер в лицо» (Рига, 2009). Дипломант Всероссийского конкурса-фестиваля «Святые символы России» (2008, Самара). Член Союза писателей России.

Родилась на Кавказе в семье врача, жила на Украине в г. Николаеве, закончила Рижский медицинский институт. Стихи пишет с детства на русском и украинском языках.

**Сыплется, сыплется манна с небес
На засыпающий мёрзнувший лес, -
Я подставляю ладони горсть:
«Здравствуй,**

**желанный таинственный гость!..
Тёплой периной ты ляжешь на крыши,
И покрывалом покроешь поля.
Песнь колыбельную тише и тише,
Будешь ты петь,
а слушать - земля...»**

**Надежды, мечты
осколками - вдрызг!
Дрожу на ветру
под потоками брызг.**

**Мне больше мечтой
никогда не цвести...
Прости меня, нежная радость,
прости.**

**Одарил дождик каждую веточку
Нежным бисером серебра -
И, нанизав ажурную сеточку,
Простояли они до утра.**

**На рассвете бесцеремонно,
Сбросил ветер хрупкий наряд, -
И стоял, лучом освещённый,
Обнажённый берёзок ряд...**

**Вслед осени
последнее «Прощай»
Шепчу я тихо... Мёрзлый ряд берёз
Застыл**

**в искристых бисеринках слёз.
Берёзы стынут в звонкой тишине
И видят сон прекрасной
о весне.**

**Касаюсь их ладонью невзначай, -
Их сладок сон...**

**Но мне не обещай,
Мир призрачно-обманчивый,
мир грёз,
Что стану я одной из тех берёз.**

**В вихре ветра
листья ввысь,
Словно в танце, понеслись,
А затем опять на землю
опустились не спеша,
Чуть дыша,
едва шурша...**

**Лишь на миг утомонились,
Под забором притаились, -
Чтобы через миг опять
Над землёю полетать:
Вновь куда-то мчась стремглав
(на мгновенье стайкой став -
то ли мотыльков, то ль птиц),
Вверх взлетая,
падать ниц...**

**Пусть в глазах отражается небо -
Что б ни делал ты,
где бы не был!**

**Трезво мысли всегда!
не забудь,
КТО земной охраняет твой путь!
Только верой в безмерность Любви
В океане жизни плыви!**

Ванда Саволайнен

ПОЭТ ЗАНУДА

Пригласил на чашку чая
Слон поэта-муравья.
Тот читал ему поэмы
С выражением три дня.
Про лису и про сороку,
Про крота и про башмак...
Муравьиные поэмы
Не кончатся никак.
Слон устал поэта слушать,
Сколько можно! Нету сил!
Слон вздыхал и тихо охал:
- Вот так чаю я попил!

ХВАСТЛИВАЯ БЕЛКА

Белка хвасталась в лесу:
- Я орешков запасу,
Высоко на елочке
есть дупло, там полочки.
У меня в дупле темно,
У меня в дупле тепло,
Знайте все в округе,
Не страшны мне вьюги.

ОБИЖЕННАЯ КРЫСА

Крыса жаловалась мышке,
Горькая у ней судьба:
Ни одной черты приятной
Ей природа не дала.

У слона большие уши,
Хобот и огромный рост.
А у крысы лишь противный
И облезлый длинный хвост.

У лисы прекрасна шуба,
Как и шуба у бобра.
А у крысы меха мало –
Плешь с отливом серебра.

- Почему несправедливо
Я судьбой обделена?
Эх! Была бы я красива,
Не была бы так вредна.

ЭХО

Где живет кричащий УК?
Рассказать тебе мой друг?
Он живет в лесу дремучем,
он живет в норе длиннющей,
он пугает детвору
и в ночи, и поутру.
Громко крикну я: «АУК!!!!!»
Он ответит: «УК...УК...УК...»
Не боюсь тебя, АУК,
потому что ты лишь звук!..

ВОТ ОТКУДА СИЛА НАША

Быстро я кручу педали,
на ногах моих сандалии,
кепка красная, очки...
Эй, попробуй, догони!
Мой соперник не у дел,
я ведь две котлеты съел
и на завтрак много каши –
вот откуда сила наша!

Сусликов меняет фамилию

Если у тебя красивая и звучная фамилия, считай, что жизнь удалась. Или хотя бы наполнила. Катя Богатырёва, отличница, говорит, что фамилия отражает характер человека или даже всей семьи. Но скажите, зачем Катке такая фамилия – Богатырёва? Ей Сквородкина больше подходит.

Мой друг, Лёшка Ляпин, очень страдает от своей фамилии. Старшие ребята смеются: «Ну, Лёха, что опять ляпнул на уроке?». А на уроках он почти не отвечает, ну совсем, как немой. Это, наверное, из-за фамилии.

А моя фамилия? Она же нисколько не отражает моего характера. И на суслика я не похож.
- Мама, – говорю, – тебе наша фамилия нравится?
- А что в ней плохого? – удивилась мама. Знаешь ли, что суслики – удивительные трудолюбивые и изящные животные. Они даже могут предсказывать погоду. Жизнь сусликов полна захватывающих моментов.

- А зачем нам фамилия трудолюбивого и изящного животного? Вот, например, нашего соседа, дяди Бори, фамилия Трубочёв, а он работает поваром. Или Гришка Пушкин из нашего класса. Он же сам ни одного сочинения не написал. За него дед пишет.

- Это нехорошо, что ты хочешь свою фамилию поменять. Это фамилия твоего папы, – говорит мама.

Поменять? Вот это идея! Я решил, что эту удивительную трудолюбивую и изящную фамилию нам с мамой надо обязательно поменять.

- Мам, а до папы у тебя какая фамилия была? – спрашиваю я.

- Чайникова, – отвечает мама.

Я с состраданием посмотрел на мою маму Чайникову.

- Дааа – говорю, – трудное детство у тебя было.

- Нет, – говорит, – я отличница была, поэтому все помнили только моё имя.

- Почему ты замуж не вышла, например за Богатырёва или Разумова? Меня бы звали в школе Разумом.

- Так я не за фамилию выходила, а за хорошего человека. Твой папа умный и добрый человек. Взрослые иногда разводятся, но всё равно помнят друг о друге.

Тогда я немножко подумал и спросил:

- Мам, а что если ты замуж опять выйдешь... за моряка или полярника... с мужественной фамилией. Чтобы такой сильный, который трудности любит. Это же нелегко, когда мама и сын, вместе переходят в подростковый возраст. Чтобы выжить с нами, нужен опыт полярника. Потому что иногда в нашем холодильнике, как на полярной станции, только снег.

А мама обняла меня и рассмеялась.

- Кто же захочет дрейфовать на нашей станции ещё и в отпуске?! Уважаемый Сусликов-младший, нам с тобой хорошо и в нашей норке. Главное – быть добрым и честным человеком.

И я согласился. Сусликов не самая плохая фамилия. Главное быть самим собой.

Ты согласен?

Галина ВИЛЛОНЕН

Сказка

За окном барабанит нудный осенний дождь. На дороге с неотренированным асфальтом бесчисленные лужи. В подметке левой туфли дырка. Зонт вывернуло шквальным ветром. Колготки порвались на правой коленке – кто-то чемоданом задел в тесном трамвае. На душе мутно, в кошелке пусто. Работы нет, мужа тоже. Доверчиво лежит в руке теплая детская ладошка. Дочка просит купить шикарную куклу, которую видела неделю назад в яркой витрине магазина. Электричества жгут в магазине – не меряно. А мой счет пока не оплачен. Алименты не регулярные, не знаю, когда оплачу.

-Расскажи сказку,- звонко требует дочь, возвращая меня на землю.

А дождь все стучит и стучит. Безысходно и навечно заливая день и надежду. Но я же не могу рассказать ей об этом.

-Хорошо, слушай,- крепче сжимаю ладошку самого дорогого мне человечка.

На высоком холме, в гордом одиночестве и величии, возвышался старый дуб. С приходом весны, под лучами ласкового солнца, начали пробиваться молодые зеленые листочки. Два листика, которые оказались рядом почти на самой верхушке дерева, изо дня в день украдкой поглядывали друг на друга. Листик-девочка смущалась под пристальным взглядом листика-мальчика. А он же, в свою очередь, любовался ее красотой и совершенством.

В скором времени они подружались. Вместе листики росли и радовались предстоящему лету. Делились самым сокровенным: секретами, маленькими радостями и своими снами.

Листочки любили разговаривать о будущем и строить планы. Вместе они мечтали о том, как будут купаться в лучах дневного света, а ночью разглядывать ослепительной красоты небо, устланное звездным ковром во главе сияющей луны.

В пасмурный день листочек не давал скучать своей подруге, развлекая ее веселыми историями, наблюдая, как на грустном лице робко пробивается застенчивая улыбка. «Ее улыбка лучистая и живая,- думал листик. - Лучшая награда для меня».

Время шло, бежали дни, влюбленные листочки встречали рассвет и провожали закат. Каждый раз, с легким дуновением ветра листики шелестели, трепетно прижимаясь друг к другу. Казалось, они шепчут ласковые слова. В дни, когда природа буйствовала и проливалась дожди, листочек старался прикрыть собой свою возлюбленную, дрожащую от холода и страха. Она же, в благодарность, под шум ветра шептала ему тихое «люблю».

Они ценили каждый миг, каждое мгновение, каждую секунду их счастья. Им принадлежал весь мир.

Осень... Ветер беспощадно срывает листья с деревьев, и те кружатся в прощальном танце. Она увидела его, сорвавшегося с веточки и уносящегося в туманную даль. Навсегда... На нее упала капля дождя и, будто хрустальная слеза, скатилась вниз, оставив лишь безмолвные круги на ровной глади лужицы.

Среди осенней суматохи и завывания ветра печальным эхом отзывалось «прощай».

Увидев в глазах дочери застывшие слезинки, я крепче сжала детскую ручонку и сказала: -Будет новая весна...

Яна МАРСИ

Оливия К.
Финляндия

Все мы от Пушкина...

Что-то есть знакомое до боли
У меня с любимым «нашим всем»: **Всё пишу, пишу... чего же боле?**
И пугаюсь цифры тридцать семь,

Обмираю от кавказских песен,
Навещаю близких на Нозль*,
А как только вспомню о Дантесе,
Так и тянет вызвать на дуэль.

О пору осеннего ненастья
Вся бумага тянется к перу,
А внутри порой бушуют страсти
Просто африканские, не вру!

Задевают песнями цыгане
Струнки потаённые души.
Оттого, мой предок Пушкин Саня,
Ты меня в потомки запиши!

Нозль (франц.) - Рождество

Некоторые вредные вещи

Что-то с рифмой напряги,
Продуктивности – зеро,
И не тянется к бумаге
Пресловутое перо.

Не внимает, что обидно,
Стиш намереням благим,
Мысли все мои, как видно,
Стали заняты другим.

Взять хорошую погоду –
Нету хуже для стихей!
Гнать из дома на природу
Всех ей хочется взащей.

На природе всё прекрасно:
Солнце, травка, шашлыки..
Но при этом, дело ясно,
Не родится ни строки.

Для стихей вредны (и очень!)
Все мужья и женихи.
Муж собою озабочен,
Не даёт писать стихи:

То подай ему котлету,
То плесни ему винца,
Муж ревнует к Интернету,
Словно видит в нём самца!

Не полезен просто жутко
Для писака крепкий сон.
Я без сна стихей (не шутка!)
Настрочила б миллион!

За стихом, шедевры множа,
Я рождала б новый стих.
А бревном в кровати лёжа
Разве что-нибудь родишь?

ВОЛНЫ «КИНЕРЕТА» (г. Тверия, Израиль)

Сергей КОРАБЛИКОВ-КОВАРСКИЙ

Родился в 1942 году в Вильнюсском гетто. Чудом спасён и усыновлён семьёй русских старообрядцев, издавна осевших в Литве. По профессии – врач, практиковавший в Литве, Йемене, Индии. В 1991 году репатриировался в Израиль, в Тверию, где продолжает работать врачом.

Автор трёх поэтических сборников. Публикуется в альманахах России, Литвы, Израиля. Член Союза писателей Израиля.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Среди поветрий мировых,
Несущих голод, мор и ужас,
Был бунт... был бунт мастеровых
Под гром мортир и ругань ружей.

Он был заслужен, он был смерч,
Вихрь, рвущий пути и вериги.
Но если верховодит смерть –
Пусты поля, сердца и риги...

И отвращает лик земля
От грома Пирровой победы,
И жажду кровью утоля,
Пируют на просторах беды.

И зори – как вселенский стыд.
Их ответ на знамёнах красных!
И лишь Сатурн безумный сыт
Своею трапезой ужасной...
Но... от поветрий нет лекарств,
Как нет от глупости и злобы.
И вновь, беспечна и легка,
Зима несёт свои сугробы.

И зацветает первоцвет
Любви, раскаянья, надежды...
И снова мстительный рассвет
Бросает пурпур на одежды,

И вновь в багровой тишине
Ждёт битвы Запада с Востоком,
И Смерть гарцует на коне
В своём тщеславии жестоком.

И этот спор непримирим!
И эта буря неизбежна!
В свои когорты верил Рим...
Где он – могучий и безбрежный?!

* * *

Ах, ленинградская весна,
И нашей юности начало!
Как нежно невяская волна
Два отражения качала...

Потом они слились в одно,
Скрывая рук переплетенье,
И, как искристое вино,
Пьянили радость и смятение.

И это был чудесный сон.
А мы – доверчиво-отважны!..
И невольный ветер в унисон
Нас обнимал рукою влажной.

И чаек крик невдалеке
Не нарушал наш шепот нежный.
Мы были вместе, налегке...
И мир – маящийся и безбрежный!

* * *

Как мчится время!
Нам за шестьдесят,
А мы – все те же:
горячимся, вздорим...
И уж не скажешь: «в молодом задоре»,
Когда седины грустные висят.

А было всё: безмолвие Невы,
Корабль на крыльях белыми ночами...
И мы любили, спорили, молчали
В плену гранитных плит и синевы!

Потом — зигзаги сумасшедших трасс,
И нет секунд взглянуть на ту, что рядом...
И вдруг — застыть
под долгим женским взглядом,
Как в тот, уже забытый первый раз!

МЫ ИЗ ТВЕРИИ

Наше творческое содружество – литобъединение «Волны Кинерета» – включает в себя авторов, по большей части проживающих в Тверии.

Этот город – столица Нижней Галилеи – возник, примерно, в 18-м году н.э. Его основал Ирод Антипа – сын Ирода Великого. Имя своё город получил в память о римском властителе Тибериусе – Тибериасе, Тивериада, Тверия.

Географически удачно расположенная на склоне горы, как бы сбегаящей к озеру Кинерет, Тверия окружена горячими минеральными источниками, издавна привлекавшими сюда людей.

Тверия – один из 4-х главных религиозных центров Израиля. Когда римские легионеры разрушили главную еврейскую святыню – 2-й Храм, немногие из выживших изгнанных козлов нашли приют в Тверии. Здесь в течение 200 лет создавался Талмуд – толкование Торы. Его создатели были подвергнуты страшным пыткам и умерли, не отречьшись от веры отцов. В этом городе много святых могил, в том числе великого РАМБАМА, Меира-чудотворца. На кладбище вблизи Тверии покоится прах выдающейся еврейской поэтессы Рахели и её современницы Элишевы. Улицы города помнят грохот римской конницы, разбойные нападения персиян, европейских крестоносцев и турецких мамелюков.

Но, как птица Феникс, Тверия возрождалась вновь и вновь, являясь примером стойкости и мужества. Вот и наш альманах мы назвали именем нашего города – «Тивериада».

Любовь ЗНАКОВСКАЯ

ЭТОТ НЕНОРМАЛЬНЫЙ ПЕТУХОВ

Дине Рубиной

У него были зеленые в крапинку глаза, набрякшие веки и руки грузчика. Он напоминал пехотинца, по странному стечению обстоятельств произведенного в кавалергарды.

– Слушай, – кричал он, – я сочинил тебе балладу.

Он мерил комнату широкими шагами. Движения его были изящны, как у пумы. Он бросал в гулкое пространство резкие, рубленые фразы, на первый взгляд лишённые всякого смысла. Это были стихи гения. Я смотрела на него с восторгом.

Потом мы бродили с Петуховым по кривым улочкам старой Тивериады, и он, захлебываясь от счастья, водил меня от одной фалафельной лавки к другой.

– Смотри, они просто прелесть, эти шарики! И главное, никаких претензий на гурманский изыск.

В следующий раз Петухов появился у нас в доме не один. За руку он держал странную девицу в свитере неопределённого цвета и формы.

– Познакомьтесь, – закричал Петухов. – Это моя жена. Бывшая. Мы с ней решили уехать в Питер. Навсегда.

Мне показалось, будто кто-то громко ударил по клавишам рояля.

– В Питере белые ночи, – словно извиняясь, сказал Петухов.

– У тебя на левой щеке родимое пятно. А я его только сейчас заметила, – мои плечи затряслись от беззвучных рыданий.

– Ты плачешь, как старый ребе, который потерял свой талес, – голос у Петухова был печальным. Он посмотрел на меня своими разноцветными глазами и пробормотал:

– А в Кинерете вода такая теплая.

Больше мы с ним не виделись. Он ушел в ночь, уводя за руку свою никчемную бывшую жену. А может быть, и не бывшую. А может, и не жену. Петухов всегда был таким фантазером.

У ЗУБНОГО ВРАЧА

Юмореска

– Здравствуйте, доктор! Я к вам. Почему я стою у двери и не прохожу? Спасибо! Отсюда мне ближе к выходу.

Вы спрашиваете, какие у меня проблемы? Доктор, если я сейчас начну рассказывать о своих проблемах, то боюсь, через пару дней ваша контора закроется. Ах, простите, вас интересуют мои проблемы с зубами? Я сразу не понял. Нет, нет. Проблемы с зубами не у меня. Раз я здесь, то проблемы уже у вас. Что мне делать здесь, да ещё с проблемами? Их у меня дома хватает.

Доктор, вы не нервничайте. Вы хотите, чтобы я вам сказал, зачем пришел? Пожалуйста. Но только скажите мне, я правильно пришел? Здесь можно удалить зубы и сделать протез? Какой протез? Ну, конечно, зубной. Вы говорите, что я пришел правильно. Это замечательно.

С вами, доктор, очень приятно поговорить, сразу видно, что вы интеллигентный человек. Как мало сейчас осталось настоящих интеллигентных людей. Но я не об этом. У меня зубы.

Вы мне предлагаете сесть и открыть рот. Я всегда боюсь, когда мне предлагают сесть. Это у меня с детства... Хорошо-хорошо, я уже сижу. Теперь открыть рот? А разве я его закрыл? Знаете, доктор, я утром, как только открываю один глаз, неважно какой, – у меня сразу же открывается рот и уже не закрывается до тех пор, пока я не лягу спать и не закрою оба глаза.

Да-да, вот здесь. Здесь у меня было четыре зуба, потом один не дождался своих товарищей и выпал. Вы говорите, что надо удалить всё, что осталось? Да... я понимаю.

А скажите мне, доктор. Но это только строго между нами. Сколько это всё будет стоить? Сколько-сколько? Я не ослышался? Доктор, скажите мне по секрету, вы не экономист? Просто я знал одного экономиста, у него ещё борода была. Он писал толстые книги, но его мало кто понимал. Так вот все, кто не понимали, потом куда-то исчезли.

Вы говорите, что надо удалить три зуба. А где вы видите эти зубы? Доктор! Если бы я видел здесь зубы, я разве сюда бы пришел? Сюда разве приходят с зубами?

Ну, хорошо, вы меня уговорили. Ну, а как же с крупным оптом? Вы же деловой человек! Я когда иду на базар, если жена поручает мне купить один вилок капусты за 60 рублей, а она все цены знает, ещё в детстве мечтала стать счетоводом, то я делаю оптовую покупку. Я беру два вилка и плачу за них сто десять. Правда, пока доходит очередь готовить второй вилок, он успевает испортиться, и его выбрасывают, но это уже другое дело. Так как вы смотрите на три по цене двух? Ну, как же?

Вы посмотрите на средний. Это же не зуб. Балерина крутится вокруг своей оси хуже, чем этот симулянт у меня во рту. Вы говорите – преискурант. Я вас умоляю! Скажите, вы не экономист? У меня такое впечатление, что я не у зубного врача, а в министерстве финансов. И вы сейчас решаете проблему – как обезпечить всё население России деньгами.

Вы предлагаете сделать перерыв и выпить по чашечке кофе? Доктор, как приятно иметь с вами дело!

Паулина ЧЕЧЕЛЬНИЦКАЯ

Репатриировалась в Израиль из Молдавии в 1991 году. Преподаватель иностранных языков. Автор четырёх книг. Публикации в альманахах: «Год поэзии. Израиль, 2007-2008, 2009-2010», «Поэзия. Ежегодник. США, 2010» и журналах «Хронометр», «Резонанс», «Тивериада».

Анатолий ЗУСМАН

Репатриировался в Израиль из Ростова-на-Дону в 2005 году. Инженер-электрик. Автор приключенческого романа «Одиссея далёкого предка» и книги повестей и рассказов «Дорогами войны»

Любовь ЗНАКОВСКАЯ

Родом из Украинского Полесья (городок Олевск). Училась и преподавала русскую словесность и мировую художественную культуру в Крыму, в Симферополе. Автор 8 книг стихов и прозы, вышедших в свет в Крыму, Москве, Тель-Авиве, Иерусалиме.

С 1997 года живёт в Израиле, в Тверии. Руководит созданным ею литобъединением «Волны Кинерета» и редактирует альманах «Тивериада». Член Союза писателей Израиля.

НА СЦЕНЕ КИНЕРЕТА

Вот-вот начало. Но не в силах ждать
Чуть приоткрылась щёлка золотая.
Вослед тяжёлый занавес дождя
Взвился высоко, в небесах растаяв.

Над Озером совсем иной декор;
На авансцене те же и о том же:
Волна и ветер, лодка и простор
То шепчутся, то спорятся, похоже...
А «задник» сцены нежится в траве,
Под ней бугры Голан перетекают...
Но вот венец Творенья – Человек –
Он голоден, брюзглив и неприкаян.

Он с лодки ловит рыбу и томим
Неведомым предчувствием чего-то,
Что, видимо, должно случиться с ним,
И потому не спорится работа.
Две рыбины всего попали в сеть...
Как ими накормить детей голодных?
Но то, что не сумел рыбак сегодня,
Случится вскоре на глазах у всех...

Когда же Тот, кто по воде пройдёт,
Его возьмёт с собой в число двенадцать,
Симон-рыбак – теперь Апостол Пётр –
Отныне будет так именоваться.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Л. В. Ижак

Леся, любимица, Бог тебя не обделил
Ни красотой, ни умом,
ни любовью, ни славой.
Не пожалел для портрета румян и белил,
И белозубой улыбки для щедрого нрава.
Эта русалка с зелёными льдинками глаз
Не ученицей была мне – скорее, подругой...
Я благодарна судьбе, что свела нас в тот час
Юности полуголодной, богатой досугом.

...Вот привечаю девчущку босую. Она
Прямо по снегу ко мне
от родителей мчитяся:
Не признают они право
в мальчишку влюбиться –
Я в эту тайну великую посвящена...

...Снова я вижу её на спортивной лыжне.
Щёки с мороза, как крымские
яблоки, свежи,
И, обгоняя играючи, дюжих парней,
Как оставалась при этом
доверчиво-нежной?..

...Помню я праздники первых
уроков своих.
Русскую речь называли здесь
«панскою мовой»...
Сельскою школьницей
золото строк Гумилёва
Пробуется на зубок – отчеканенный стих!..

Годы и годы мы жили с ней всё-таки врозь,
Но согревала надежда увидиться снова,
И на перроне вокзала такого большого
Встретились мы потому,
что проститься пришлось.

Что же ты плачешь,
головку к плечу наклоня?...
Дёрнулся поезд...
«Прощание славянки» играют...
Только славянка бежит и всё крестит меня,
Благословляя... А я уезжаю в Израиль...

ВОЛНЫ «КИНЕРЕТА» (г. Тверия, Израиль)

Лариса ШИЛЛЕР

Репатрировалась из Украины, из города Полтавы, где закончила музучилище по классу фортепиано и работала концертмейстером в музыкально-драматическом театре имени Н.В. Гоголя. В Израиле, в Тверии, с 1997 года. Работает в музее «Донны Грации». Публикуется в альманахе «Тивериада» и в «Ежегодниках» издательства Э.РА.

ЭПИТАФИЯ ДРУГУ
(Стокгольм, Швеция)

Под звуки лютни монотонной
Порхают флейты светлячки.
Успеть напаять бы очки,
Узрев пролёт мостов бессонных.

Белесой ночи колдовство
Приправой служит неперменной.
Ах, Бах! – Ты шутишь... Баловство
И треск шарманки незабвенной.

Гуди «сосисочный вальсок»,
Вон – башня Нобеля, лесок,
Модерны из стекла и стали,
Бомжи метро на «Ти-Централе».

Кто там скучает по сирени,
Вдыхая запах до мигрени,
Усевшись на почтовый ларь?
(Парламент, улица, фонарь...)

Спит веер клавиш на подставке
Под «вальс цветов» фруктовой лавки...
Скорей, скорей, листай, спеши,
Играй! – и снова ни души.

ДЕТСТВО

Портгерки белой ришелье,
Букет бумажный, угощение –
Пирог с корицей и варенье,
Трюмо, буфет и на окне
Лечебный гриб пластает банку...
А Сеня – дед мой – спозаранку
Кроит шевитовый пиджак...
Помпон коробки «Красный мак»
И «дачка» – ложе раскладное,
Бутылка с наливкой, всё такое...
В углу пылится этажерка:
Марк Твен, Тургенев, Монтескье...
(«Ша-ша!» У дедушки примерка!)

Диван и в позе Рекамье
Розалия в далёком лете,
Просыпав семечки на грудь,
Губа не дура прикорнуть
Данай томной на портрете...

А вечером девица Фира
Заявится играть в лото,
Забыв «про это» и «про то»,
Воскликнет: «У меня квартира!»
В шеренге слоники на счастье,
Блестит браслетик на запястье,
Который дед (о мизерабль!)
Хотел отдать на дирижабль...
За ширмой стонет патефон,
Чей голос слышу я сквозь сон:
«Никто нигде не ждёт меня,
Бродяга я, бродяга я...»

Галина АЗБЕЛЬ

Родилась в Белоруссии. Высшее экономическое образование получила в Москве. С мужем, кадровым военным, жила и трудилась в Барнауле. В Израиле с 1992 года. Публикуется в «Новостях недели», в альманахе «Тивериада», в ежегодниках «Год поэзии. Израиль».

В 2009 году вышел в свет сборник стихов «Я – буква из Твоей Торы».

* * *

История – простое слово.
Его произнесите снова.
Ещё разочек повторите –
И чудных звуков смысл поймите:
В них код Вселенной и закон –
«Из Торы я, и ты, и он!»

* * *

Народ мой, я к тебе пришла!
Что потеряла?.. Что нашла?..
Себя ни разу не спросила,
Еврейским сердцем ощутила:
Я – буква из твоей Торы,
Не знающая до поры,
В какой строке она стоит...
Об этом Книга книг молчит,
И всё же каждый иудей
Найдёт себя в строке своей...

Владимир ГОРЕНШТЕЙН

Родился в 1941 году в Барнауле, в эвакуации. Учился и трудился в Днепрпетровске. По специальности – инженер-горняк. Репатрировался в Израиль в 1990 году. Автор пяти поэтических сборников, увидевших свет в Тель-Авиве и Иерусалиме. Публикуется в альманахах «Хронометр», «Тивериада», «Русское эхо».

ПАРУСА
«КРУЗЕНШТЕРНА»

А. Городницкому

Он уходил по трапу «Крузенштерна» –
И свой, познавший многое, рюкзак,
До боли в швах напиханный усердно,
Нёс сам (а глянуть не на что – хляк).

Тяжёл рюкзак, аж вздулись вены!
А в нём – «солёный запах пены»*
Да свиста жуть «трёхпалая»*,
Мулатка знойно-шалая,
Да боцман с «рыжим матерком»*,
Туника - та, что над бедром*
Затосковала, «Южный крест»*,
Что холодом промозглым ест
Всю душу, да звезды Полярной –
Далёкой, но призывно-пьяной
Тепло, да «Лебедь Чистопрудный»*,
Да слух назойливый и трубный
Про Францию и про посла
(Молва к брезенту приросла),
Да «креномера блеск латунный»* -
Всё в упаковках семиструнных!

Грот-мачта, с ним раскланявшись
почтенно,
Стыдась, смахнула бисер слёз в рукав.
А он застыл у трапа «Крузенштерна»,
Причину слёз нежданых осознав,
С вопросом безответным в небеса:
– Зачем треножит время паруса?!

* Из А.Городницкого

Николай КОЗАЧЕНКО

Репатрировался из Краснодара в Израиль в 1997 году. Театральный художник по свету.

Автор двух книг. Публиковался в литературных альманахах «Хронометр», «Тивериада», «Год поэзии. Израиль 2009–2010».

ЧЕТЫРЕХСТРОЧНЫЕ
МЫСЛИ

Давно творится в мире не порядок,
Готов признаться я без позы:
Жить хочется по высшему разряду,
Ума ж осталось – лишь на слёзы.

Нос дан затем, чтоб обонять
И этим он полезен,
А не затем, чтобы совать
Туда, куда не лезет.

Стать гениальным не успел.
Авторитетом дорожил.
Посмертной славы не хотел,
Прижизненной – не заслужил.

Казалось бы, какой пустяк!..
А между тем, не каждый знает,
Что скрип кровати – ещё как! –
На демографию влияет.

Вячеслав ОМСКИЙ

Валерию Ободзинскому

Соловей мой, соловушка,
Бедовать тебе вновь,
Опустилась головушка,
Не споешь про любовь...

Всё не так, как хотелось,
Жизнь несладко пошла,
Колесом завертелась
И себя не нашла.

Съел мечты и желания
Чёрной зависти дым,
Сквозь пучину страдания
Ты ушёл молодым.

В нашей жизни не ново:
Пошумел да в музей.
Как красивое слово,
Мы теряем друзей.

Не от бурь, не от замети,
Боль свою проглотив,
В узелках моей памяти
Неотступный мотив...
Ты по прежнему молод,
Льёт с небес бирюза
Твой чарующий голос
И...напротив глаза!

СОЛОВЕЙ

Великой певице
Деборе Яковлевне
Пантофель-Нечецкая

Ушла в историю эпоха,
Умчались яростные дни.
И как ни много, ни жестоко,
Остались в памяти они.
Я помню зал и то мгновенье,
Где ты волшебницей была,
Твоё божественное пенье,
Ты исполняла «Соловья».
И мир молчал, и, торжествуя,
Он слушал музыку небес,
Свободу, счастье вновь почуя,
Как будто снова Бог воскрес!
Как будто не было тревоги,
Как будто страх нам не знаком,
Нас ждут счастливые дороги,
И все ведут нас в отчий дом.
Велик, могуч наш русский гений,
Что подарил нам «Соловья»,
Где связь времён и поколений,
Дебора, Родина и я!

ЖАРКОЕ ЛЕТО 2010

Как беззакония закон,
Неотвратимая громада,
Как огнедышащий дракон
На всех семи ступенях ада,

Катил, как смерч, девятый вал –
Дитя гигантского разбоя,
Огонь на город наступал,
Как чей-то гнев, рева и воя...

«ОЧАРОВАННЫЙ» КВАРК

Господь поужинать решил на седмицу,
Замешкался, как кто его позвал,
Учёный муж в бульоне выловил частицу
И кварком «очарованным» назвал...

Евгений ФЕЛЬДМАН

Артур Конан Дойль

КРЕМОНА

(Из сборника «ПЕСНИ ДЕЙСТВИЯ»)

Французская армия под командованием маршала Виллероя – в состав этой армии входила ирландская бригада – удерживала укрепленный город Кремону в течение зимы 1702 г. Но в городе нашёлся священник-предатель. Виллерой и большая часть французского гарнизона попали в плен. Однако, ирландцы, – два полка под командованием Диллона и Берка, – засев в крепости, – её месторасположение позволяло держать под контролем шлюзные ворота, – целый день обороняли её и не оставили позиции, несмотря на все попытки принца Евгения перетянуть их на свою сторону. Не сумев захватить крепость, принц Евгений вынужден был оставить город.

/Примечание А.Конан Дойля/

И грозен он, и страшен,
австрийский гренадер,
Для вражьих стен и башен,
австрийский гренадер,
Издаেকে, почти в ночи
Они пришли и – тс! молчи! –
Проникли утром в сонную Кремону.

Ни шёпота людского,
ни ржанья лошадей.
Пехота – лотарингцы,
а конница – Дюпрей.
Сошлись на площади в тиши.
Светало... Местных – ни души...
И – захватили сонную Кремону!

Вскочил с постели маршал,
отважный Виллерой.
Забыл парик напаять
прославленный герой.
«Я потерял моих ребят,
А те – меня. Эх, будь я клят!
И вместе – потеряли мы Кремону!»

Евгений, принц австрийский,
смеясь, промолвил: «Да!
Мы вас перехитрили. Победа, господа!
Мы захватили Цитадель.
Наш гордый флаг видать отсель:
Вон, чёрно-жёлтый, вьётся над Кремоной!»

Майор Дэн О'Махони грохочет на плацу:
«Шесть сотен нас, ирландцы!
Нам сдача – не к лицу!
Надеть рубашки – и айда!
Какое утро, господа!
Пройдёмтесь-ка по улицам Кремоны!»

Майор Дэн О'Махони грохочет у ворот:
«Шесть сотен нас, ирландцы!
Вперёд! Вперёд! Вперёд!
Живей, Диллон! Быстрее, Берк!
Нас ждут резня и фейерверк,
Но мы австрийцам не сдадим Кремону!»

Майор Дэн О'Махони –
бригада под рукой.
Вошли ребята в крепость,
что встала над рекой.
Майор: «Позора – не хочу!
За мной, друзья, – плечом к плечу!
Вовек австрийцам не видать Кремоны!»

Евгений, принц австрийский,
не рад своей судьбе.
Наёмного ирландца потребовал к себе.
«Макдоннелл, поспеши к своим.
Они одни, скажи ты им,
Мне не сдались в захваченной Кремоне!»

г. Омск

Парламентёр Макдоннелл
спешит через овраг.
К его сержантской пике
привязан белый флаг.
А над рекою – бодрый крик:
«Мужайтесь, Клер и Лимерик,
Последние защитники Кремоны!»

Парламентёр – майору:
«Австрийских войск не счесть.
Вернусь ни с чем, – ужю тогда
Вам худо будет, господа:
Австрийцы вас не пощадят в Кремоне!»

Майор: «Коль это правда,
мы остаёмся тут,
И шлюзные ворота австрийцы
не возьмут.

Евгений не отдаст приказ,
Покуда будешь ты у нас.
Будь гостем у защитников Кремоны!»

Кровавый день! Германцы –
на штурм – ура! ура!
Кровавый день! Убитых –
во рву – растёт – гора.
Уже река красным-красна,
А что с победой? – Неясна.
(«Евгений, хрен тебе, а не Кремона!»).

Кровавый день! И снова –
ба-бах! ба-бах! ба-бах!
Пехота – лотарингцы,
дюпрейцы – на конях.
Здесь Таафе и Герберштейн,
Гусары с Рейна (дивный Рейн!),
Все – в битве: высока цена Кремоны!

Орут, орут германцы,
орут, – в ушах звенит,
Орут они и бьются, как волны о гранит.
Мужайтесь, Лимерик и Клер!
Ирландцы – доблести пример.
Ну, кто захватит выход на Кремону?

Воскликнул принц Евгений:
«Тьфу, не хватает зла!»
Воскликнул принц Евгений:
«Удача – уплыла!»
Воскликнул принц: «Отходим прочь!
Темнеет; скоро будет ночь.
Боюсь, дела закончены в Кремоне».

Убоко – Маколлиффу:
«Австрийцы отойдут».
Майор Дэн О'Махони:
«Да, больше не попрут.
А мы сумеем как-нибудь
Им указать короткий путь,
Короткий путь из города Кремоны».

Вперёд! – И захватили
у Нойберга штандарт,
И барабан – у Ди'ака
(ха-ха, вошли в азарт!).
Австрийцы конные – вдали,
Вдоль По печально отошли,
Понурившись, оставили Кремону.

Ирландцы торжествуют, –
их двести на стене.
Четыреста – погибли,
служба чужой стране.
Ирландец, – лучше нет бойца,
Он всюду бьётся до конца, –
И в Дублине, и в неродной Кремоне.

«Отличная работа! –
воскликнул де Водрей. –
Диллон и Берк,
прославит вас Франция, ей-ей!
Что ни попросите сейчас,
Всё будет сделано для вас,
Героев отвоёванной Кремоны!»

Майор Дэн О'Махони:
«Нас подняли чуть свет.
На нас – одни рубашки,
штанов же – нет как нет.
Мы этим очень смущены.
Дозвольте нам надеть штаны:
Прохладно нынче вечером в Кремоне!»

©Перевод Евг.Фельдмана

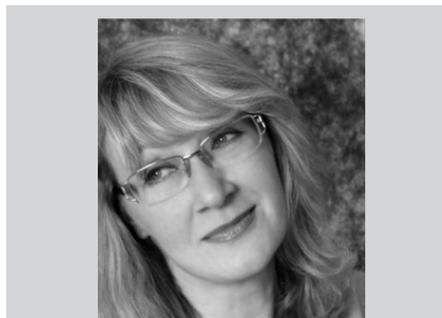

Ирина ЮРТАЕВА

Омичка, 50 лет. Стихи пишет с детства.

**В ПРОУЛКЕ, ЧУТЬ ЛЕВЕЕ,
ЗА УГЛОМ...**

В проулке, чуть левее, за углом,
Спроси любого, с радостью покажет,
Как белую ворону, старый дом
Теснят собой ряды многоэтажек.
Бесславно превратившийся в барак,
Доживший до плачевного исхода,
Старинный деревянный особняк
Постройки до семнадцатого года.
Обшивку расщепили холода,
Ажурную резьбу согнула старость.
От бывшего владельца ни следа,
Ни памяти малейшей не осталось.
На окнах свежей краски медежи
Как будто говорят, что всё в порядке,
Лишь треснувший фундамент обнажил
Столетние следы кирпичной кладки.
Азарт настольных игр и кутежи,
Бойкоты, покаянья, слёзы, драки,
Тот многого не видел, кто не жил
В соседстве с общей кухней в бараке.
Сюда съезжались все, кому не лень,
С узлами, саквояжами, тазами,
А с плюшевого коврика олень
Смотрел на всех тоскливыми глазами.
В присмотрах и доглядах за детьми
На ласку с доброю не скупилась,
Нередко очень близкими людьми
Соседи по квартире становились.
В простенке лыжи, удочки, плащи,
Верёвки с вечно влажными вещами,
А на плите всегда кипели щи,
И стены навсегда пропахли щами.
Никто и не заметил невзначай,
Какую высоту набрали клёны,
Какая рядом кроется печаль,
Когда проходят мимо почтальоны.
Отсюда разъезжались кто куда,
Оставшимся ничем не досаждая,
А в ржавой бочке ржавая вода
Нетронутой стояла дождевая.
Как будто угрожая, что снесут,
Строчат всё ближе молотком отбойным,
Но тут не выживают, тут живут
Спокойно, тихо, мирно и достойно.
Здесь принято подкармливать собак,
Чужое отдавать в бюро находок,
Здесь по старинке, нюхая табак,
Чихают на изменчивую моду.

Лариса КОСТОМАРОВА

Родилась в г. Барнауле. Школьные годы
прошли в Хакасии, в г. Абакане. Окончила
Новосибирский инженерно-строительный
институт, архитектурный факультет. Живу в
г. Омске. Стихи начала писать три года на-
зад. Печаталась в альманахе «Новый Ени-
сейский литератор».

БЫЛО МНОГО ДОРОГ...

Было много дорог –
Поросли ковылем.
Не грущу о былом –
Отболело.

Память несколько строк
Записала в альбом.
Я прочту их потом,
Ночью белой,

Если снег – на виски,
Если тенью тот час

Притаится у глаз
Паутинка.

Сердце сдавят тиски.
Вспомню всё, как сейчас...
«Риориту» и джаз
На пластинке.

На мгновенье часы
Повернутся назад –
Снова брошенный сад
Расцветает.

У речной полосы
Белобрысых ребят
Вольный ветер опять
Догоняет.

В НЕБЕ ЗВЕЗДОЧКИ...

В небе звездочки, ночка летняя.
Говорят, что я малолетняя.
Во стогу тепло, только колется.
Мамка ждет меня за околицей.
Руки нежные, губы сладкие.
На тебя гляжу я украдкой.
Утро вымыло травы росами.
Ночь сказала мне, что я взрослая.

СТЕПЬ

Степь холодная, сырая
Стинула во тьме кромешной.
Только путник запоздалый
По степи бредет неспешно.
От усталости и страха
Тело сковано, чужое.
И под мокрую рубахой,
Словно воротник ежовый,
Обнимает плечи ужас,
Кошкой по спине крадется,
К горлу подползает, сушит.
Эх, напиться б из колодца!

Хохотала выпь истошно,
Так, что сердце замирало.
Ноги путал подорожник,
Расстелившись покрывалом.
Бледный диск луны бездушной
Показался из-за тучи
На мгновенье, как хлопнушкой,
Осветив простор могучий,
Обозначив очертанья
Между небом и землею.
От холодного сиянья
Степь казалась голубою.
Ветер дождевою нитью
К небу пришивает словно.
Ищет глаз во тьме укрыть.
Страхом разум степь наполнил.

Арина ЗУБКОВА

Студентка. Стихи и рассказы начала
сочинять в раннем детстве. Печаталась в
областных и районных изданиях.

ВОСЬМАЯ ЛУНА

На ветках кровь, на сердце ночь.
Уставшим миром правит осень.
Луна седьмая вскормит дочь –
Их скоро снова будет восемь.

С восьмой луной придет зима
И душ усопших вереницы.
Корону льда наденет тьма
До первой солнечной зарницы.

С восьмой луной придет метель,
И от заката до рассвета
Я буду пряхать свою кудель,
В льняной узор вплетая лето.

Я буду ткать зеленый стяг,
Пока не хлопнет дверь передней.
И жизнь покинет мой очаг
С восьмой луной. Луной последней.

ПРОТИВ ВЕТРА

Серые капли в лицо, как пощечина.
Серое утро плаксиво всклокочено.
Серые люди и серые мысли.
Серые листья уныло повисли.

Серое пламя над серыми свечками.
Серые кони стенают уздечками.
Серые камни. Серебряный иней.
Неба лоскут... ослепительно синий!
Синий, как море за южными склонами.
Синий, как ночь

с колокольными звонами.

Черные крылья дрожат за спиной.
Синее небо манит глубиной.
Ввысь! Воспарить над чужими законами,
Вялой агонией, догмами, стенами.
Черные крылья. Расправлены плечи
К ветру, который навеки навстречу!

Марина КУЗНЕЦОВА

На окраине города жить, –
Слушать шепот березовой рощи,
С ветерком, стебельком говорить,
Становиться светлее и проще,

По тропинкам утрами бродить,
Никуда не спешить, жить мгновеньем,
В ароматах цветов уловить
Аромат своего вдохновенья.

Снова вспомнить, что значит мечтать,
Быть в людей и в природу влюбленной,
И свиданья тебе назначать
Ровно в пять, на скамейке под кленом.

НА АРБАТЕ ИГРАЛИ ШНИТКЕ

На Арбате играли Шнитке,
Демонически хохоча.
И душа моя, как на нитке,
Вдруг повисла в руке скрипача.
И душа улыбнулась пугливо,
Озираясь, на толпы косясь.
И, как лошадь с растрепанной гривой
От меня в облака унеслась.

ПОЭЗИЯ НЕ РИФМА

Поэзия – не рифма и не слог,
А тихое сиянье между строк.
Дыханье Слова, жизнь внутри цветка,
Вино в кувшине и накал песка.

ПРОВИНЦИАЛКА

Провинциалка, – слово-то какое! –
Сродни «ромашка», «вереск», «василек», –
Как облако кружится золотое
Или в ладони брызжет терпкий сок.
Медлительностью летнего восхода,
Как дымкою, окутаны цветы,
А долгий день стекает каплей меда, –
Душе еще не стыдно чистоты.

Софья КОРОЛЕВА

Борьбой или миром ты жив, человек,
Твори, тебе есть чем гордиться.
Но знай, рядом гибнет в агонии век,
Едва лишь успевший родиться!

Пожары, раздоры, слепая война,
За правду из самообмана...
Ты слышишь, страна, как вскрывает
она
Земли чуть зажившие раны?!

США

В НОГАХ ПРАВДА ЕСТЬ

Посвящаю своему дяде
Леониду Глозштейну

Мы жили в подвальном помещении. Вообще-то, это называли полуподвалом. И только из-за того, что там было одно крохотное окошко, до которого мне, семилетней, не дотянуться. Поэтому мы взбирались на табуретку и замороженные часами наблюдали за миром по ту сторону. Мы – это я и Лёня. Он жил с мамой в таком же подвале. Но их окошко казалось меньше нашего и выходило во двор. И все, что из него проглядывалось – это край ржавого мусорного ящика, а иногда рядом неаккуратно выброшенный мусор. А за нашим окошком расположился сквер, но, к сожалению, невозможно было углядеть ни одной веточки. Зато мы видели прохожих. Правда, не во весь рост, а только их ноги чуть выше щиколотки.

Может быть, странно, но я наблюдала за мелькающими ногами молча. Я и теперь немногословна. А Лёня, видимо, как будущий художник, комментировал каждую пару обуви, носки, манжеты брюк, форму косточек на лодыжках. Меня часто удивляли лёнины формулировки и придуманные им названия деталей туфель. Я размышляла: «Всего на два года старше меня, а в его голове слов в сто раз больше, чем в моей. Какой умный!» А еще он был красивый. Бывало, стоим на табуретке, Лёня в окошко смотрит, а я на него. Он мне что-то говорит, а я не слышу, потому что брочку взглядом по чёрным волнам его волос. Вдруг он начинает смеяться:

- Смотри, смотри какие курносые туфли.

Пока поворачиваю голову, конечно, они уже уходят. А мне всё равно. Лишь бы Лёня всегда вот так стоял со мной рядом и улыбался – у него на щёчках появляются чудные ямочки.

Вообще, Лёня редко смеётся, больше – кашляет. В наших подвалах очень сыро, и мы часто болеем. Мамы укладывают нас в постели, поят горячим чаем с вареньем и просят не вставать.

Пап у нас нет, поэтому когда мамы уходят на работу, мы вскакиваем, потеплее одеваемся, намазываем на горло шарфики и опять становимся на табуретку.

И так проходит всё наше детство.

Но даже когда мне исполняется 15, а Лёне 17, нам всё равно требуется табурет. Ростом мы оба не вышли. Может, из-за подвала. Правда, однажды я подслушала разговор между завучем и школьной медсестрой после того, как мама с заплаканными глазами покинула их кабинет:

- Разводят безотцовщину! Понаражают детей, а им полноценное питание нужно для активной работы гипотыза. Как же у девочки может быть нормальный рост, если мамаша грудью её не кормила – молока не было.

- Правильно, - подхватила завуч. - А откуда ж ему взяться? Беременной, наверняка, недоедала. Теперь ребёнка плохо кормит – не на что. Я бы этих матерей...

Я недослушала, убежала. Было обидно за маму. Она у меня очень хорошая. Едим мы, как все. Даже тётю Таню с Лёней на обед приглашаем. А папа умер, когда мне было около года. Так мне мама сказала. Я ей верю. Моего папу машина сбила, а Лёнин умер от болезни тоже много лет назад, поэтому Лёня, как и мне, не посчастливилось видеть своего папу.

Но после того разговора я как бы ненароком становилась рядом с каждой восьмиклассницей и сравнивала свой рост. Оказалось, что я не самая маленькая – не одну меня мама грудью не кормила. Думаю, что для женщины быть низкорослой, не такая большая трагедия. Для мужчины – другое дело. У меня сердце кровью обливается – понимаю, как горюет Лёня.

В тот день он был печальнее обычного. Мы стояли на табуретке. Лёня, не отрываясь, смотрел в окошко и молчал. Я тоскливо уставилась на его бледную, впалую шею и придумывала, как его отвлечь от грустных мыслей. «Если бы Лёня пытался развеселить меня, у него бы это вмиг получилось, а я тупая, как пробка».

- Лёнчик, ну, не молчи, - выдавила я из себя, не разжимая губ.

В это время две пары ног – мужская и женская – шли навстречу друг другу и остановились напротив окошка.

- Хочешь расскажу о чём они говорят?

- Если бы ты видел хотя бы выражение их лиц, пусть издали, а я бы ещё поняла. А как по ногам можно узнать о чём беседа?

- Легко. Смотри, девушка поставила ногу на пятку, чуть приподняла носок и слегка водит им из стороны в сторону. Это она кокетничает после того, как парень предложил ей пойти в кино. А он, видишь? не стоит на месте – топчется. Очень хочет её уговорить. Теперь она поставила ноги вместе, носками чуть вовнутрь, держится за длинную ручку сумки двумя руками и чуть-чуть раскачивает её. Видишь тень от сумки?

Я кивнула.

- Девушка хочет, чтобы парень поугаваривал её ещё. Он подходит ближе и застывает сбоку от неё – так легче шептать на ухо, заодно можно прикоснуться к плечу – вроде и не обнимал, а притронулся. Ты помнишь, что они здесь встретились случайно?

- Почему ты думаешь, что случайно?

- Они заметили друг друга на рассто-

нии и оба замедлили шаг. Если бы это было свидание, она бы подбежала к нему.

- А если девушка робкая и стесняется признаться в своих чувствах?

- Ну, я же не сказал, что она должна мчаться во весь опор и кидаться ему на шею? Просто ускорить шаг. Смотри, если сейчас она не отойдёт, а останется стоять, то эти две пары туфель пойдут в одном направлении.

Через три минуты так всё и случилось.

- Откуда ты знаешь как ведут себя девушки? – спросила я, удивлённая. – Ты же ещё ни с одной не встречался.

Лёня вздохнул:

- Не обязательно быть курицей, чтобы знать что делается в супе. В который раз я подумала: «Какой он умный!»

- Ты так правильно умеешь обо всём рассказать, всё обрисовать! Наверное, мог бы писать книги и картины. А?

- Ужé.

- Что ужé? Написал?

- Нет. Нарисовал, - робко сказал Лёня.

Вот тогда я и увидела его первые работы. Это были... А что же ещё? Ноги... Лёня признался, что начал рисовать полгода назад, но сказать об этом стеснялся.

- Глупенький, - я провела по его волосам, - мне обязательно понравится. Я уверена – ты талантливый. Давай, показывай.

Лёня привёл меня в свой подвал, полез под кровать и достал штук двадцать листов ватмана.

Я стала раскладывать их на полу, но места не хватало. Получилось четыре стопки. Пока я это делала, конечно же, рассматривала. Рисунки были написаны акварелью. По-моему, неплохо. Может, я в этом не разбиралась, но подумала, что у художника все картины должны быть разные. Лёнины – почти одинаковые: пара ног, казалось, одних и тех же, в разной обуви. И только на последнем рисунке изображена девушка. Это можно было понять по белокурым волосам, падающим на плечи. Девушка сидела, прислонившись спиной к дереву.

- Лёничка, какая красивая картина! – восторгалась я искренне. – Я знала, знала, что ты гений! Лёня сидел на полу у кровати и смущенно теребил край одеяла.

Я продолжала смотреть на рисунок:

- Ты настоящий художник! Только жалко, что девушку спиной нарисовал.

- Я не знаю её лица.

- Придумал бы какое-нибудь, - легкомысленно предложила я. – Все художники так делают.

- Нет. Я хочу именно её лицо.

- Кого её? – спросила я.

- Я влюбился, - тихо сказал Лёня.

У меня потемнело в глазах, подумала: «Жизнь моя кончена», и, ничего не соображая, поинтересовалась:

- Она красивая?

- Не знаю.

- Ты влюбился в девушку и не знаешь, красивая ли она? – выясняла я, а сердце моё колотилось. – Ничего не понимаю.

- Я влюбился в её ноги. Раньше она часто проходила мимо твоего окошка. Но я не вижу её уже целый месяц, - грустно поведал Лёня.

У меня немного отлегло от сердца, и вопрос прозвучал насмешливо:

- Ты влюбился в ноги?

- Да, но ты зря смеёшься. Я её обязательно найду.

- По ногам? – опять не удержалась я. – А вдруг она окажется уродливой старухой? – мне необходимо было отстаивать своё право первенства, но я не знала, как. Впрочем, это умение не придёт ко мне и через тридцать лет. А тогда, в пятнадцать, я успокаивала себя мыслью, что Лёня не сможет отыскать девушку и через пару месяцев выкинет из головы эту блажь.

Лёня, как всегда, привёл резонные доводы:

- Уродины не бывают с такими ногами.

А возраст никогда не был помехой для любви. Моё чувство к Лёне было так велико, что для острастки я всё же спросила:

- А если она намного выше тебя?

Лёня слегка нахмурился, и я уже жалела о своём безтактном вопросе – таком больном для него. Но Лёня решительно заявил:

- Это вообще не имеет значения. Я читал про художника Тулуза-Лотрека. Его рост был всего полтора метра. А женщины знаешь сколько было? А я даже выше него на 3 сантиметра. И мне нужна всего одна.

Я предприняла последнюю попытку и заодно хотела выяснить, есть ли у меня хоть малейший шанс:

- Девушка может не ответить на твои чувства, когда ты её найдёшь. А если не найдёшь, что будешь делать?

- Всё равно я буду любить её всю свою жизнь, - твёрдо сказал Лёня и закашлялся.

«А я – тебя, ненормальный», - пообещала я себе.

Лёня стал художником, а наш, так называемый обет, мы выполнили оба. Лёня до последних дней искал свою любимую. Умер он, как и Тулуз-Лотрек, в 36. Я пока жива.

Элеонора КОНТИ
Staten Island, New York

Ребекка ЛЕВИТАНТ

Родилась в Вильнюсе. Закончила фил-фак Вильнюсского университета. Преподавала русский язык и литературу, а также английский язык. В 1996 году эмигрировала в Америку. Живу в Нью-Йорке. После окончания Adelphi University получила Master Degree и работаю в школе. Стихи пишу со студенческих лет. Являюсь автором поэтического сборника «Параллельный мир». Неоднократно печаталась в альманахе «Нам не дано предугадать...» и в других нью-йоркских периодических изданиях. Мои стихи можно найти на сайте стихи.ру и на других интернет-форумах.

Грусть-тоска-моя-печаль

Тоске не нужна прописка,
повсюду со мной меланхолия.
С грустью, подружкой близкой,
печали зачем-то хлю я.

Другие - они волевые -
и ценят иные качества.
Как раны мне ножевые
мажорность их и бодрячество.

Их глухота и незрячесть,
их пустота и беспамятство
под ручку идут с удачей
и не казнятся, не маются.

Ну что им судьба Манделъштама,
ну что им горе Ахматовой!
В лучшем случае - штампы,
в худшем - что-то невнятное.

А мне островок печали -
спасительное пристанище.
Тут сердце мое смягчали
друзья по несчастью, товарищи.

И если когда-то искусству
дается пропуск в бессмертие,
то лишь за живое сочувствие
к несчастным и милосердие.

Разговор с раввином

Я приду к раввину в гости,
мудрецу и книжочю.
Are you Jewish? - важно спросит
и посмотрит на меня.

Ну, конечно, я еврейка,
вы взгляните в это имя,
много скажет вам оно.

С этим именем не просто
было жить в стране советов.

Но раввин не впечатлится,
резо, жёстко перебьёт.

Зажигаю ли я свечи
перед каждою субботой? -
вот, что так его волнует,
вот, что важно для него.

Неудобно лгать раввину -
свечи я не зажигаю.

Но раввину не перечу,
я пытаюсь честно вспомнить
те черты еврейской жизни,
что присущи были нам.

Утверждаю: мама с папой,
также дяди-мой-тёти
говорили все на идиш.

Ребе вновь не впечатлится.
Зажигала ль мама свечи? -
он упорно вопрошает.

Снова отвечаю честно:
«Чтобы свечи зажигала,
этого, увы, не помню,
но некла на праздник Пурим
бесподобно оменташим
и фаршировала рыбу
на Еврейский Новый год.»

Нервно головой качает
недовольный мною ребе.

Зажигала ль бабка свечи? -
он уже почти кричит.

Бабушку, увы, не знала,
бабушку угнали в гетто.
В годы меркнущего света
было ей не до свечей.
И огню не свечи - печи
адским пламенем горели,
чтобы всяк её сородич
был в том пламени сожжён.
Бабушка была еврейкой,
в том никто не сомневался
и не задавал вопросы
прежде, чем её сгубить.
Я, конечно, не мудрее
вас, учёного еврея,
ортодокса, книжочю,
но могу без вас решить,
кто такая в самом деле.
Потому-то в моей речи
до сих пор горят те печи,
принимайте их за свечи
и не смейте их гасить!

Русской речи

Мои папа и мама по-русски
говорили с еврейским акцентом,
мой сыночек, как это ни грустно,
за Толстого не даст и полцента.
Только я на отрезке безвестном
преходящей жизни зажата
в эту русскую речь-словесность,
и страшна мне её утрата.
Что же сделаю я с этим даром,
и в какую землю зарюю?
Заслужу тем какую кару,
захлебнусь какою виною?
Но не зря же Кирилл и Мефодий
даровали мне эти буквы.
Это ноты славянских мелодий,
это знаки возвышенной муки.
Обнажаю с их помощью корни -
завещал их народ мне мой древний.
Эти корни с годами бесспорней,
речь прозрачнее и целебней.
И какую ещё там ересь,
не спросив, я открою пред вами?
И о чем, вам во всём доверяясь,
расскажу своими словами.
Я не знаю других религий
кроме верности литературе.
Может, это мой ад и вериги,
но во всём остальном халтурю.
Что ж, неси меня, речь родная,
вдаль от родины, времени мимо.
Лишь тебе одной и верна я,
так что лейся неостановимо.

Бесполезное

Полосни заостренным лезвием,
отсеки мой цветущий сад.
Голова станет скучною, трезвою,
и погибнет мечта... Ты рад?

Будем делать дела полезные
день за днём и тонуть в мелочах.
Юный, слабый росток поэзии
недоростком с годами зачах.

А мы заняты делом. Ступеньками
вверх идем, увлекаемы вниз
суетою, комфортом и деньгами -
в общем, всем под названием жизнь.

Но не зря рифмовала Цветаева
слово «жив» с прилагательным «лжив».
Где виновники те, что заставили
оболгать небывалый порыв?

Сказки - зло для девочек

Да, эта девочка о сказках бредила,
а жизнь казалась пошлостью, трагедией,
и неизбежно совершалось зло,
и девочке фатально не везло.

Мечтам не находилось соответствия,
в жестоком мире пребывала, бедствуя,
но опиралась на одно весло,
чтоб по теченью лодку не снесло.

И девочка опять о сказках грезила.
Что ж! Нужно зло, чтоб родилась поэзия?
Две пары рифм в руках, как два весла.
Поэзия!... Спасала ты? ...Спасла?...

В этой жизни, друзья, сверхценного
не найдёте вы ничего,
если в ней не клубится Вселенная,
та, что вся не от мира сего.